

The image is a book cover for 'Тата Шу'. It features a close-up of a man with brown hair and blue eyes, looking intensely at the camera. In the foreground, a woman with blonde hair in a braid and blue eyes looks towards the camera. The background is a blurred image of a castle with blue roofs. The title 'Тата Шу' is in red at the top right. Below it is a white circle with '18+'. To the right of that is a black box with white text: 'СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ'. The main title 'Измена В ТЕНИ ЕГО ГЛАЗ' is in red and blue on the left side.

Тата Шу

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

**Измена
В
ТЕНИ
ЕГО
ГЛАЗ**

Тата Шу

Измена. В тени его глаз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73279953

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Измена. В тени его глаз» – история любви, предательства и искупления, разворачивающаяся на фоне столкновения двух миров. Он, наследник аристократического рода и бизнес-империи, разрушает жизнь своей невесты, изменив ей накануне свадьбы. Она уходит, скрывая беременность, и рождает ребенка.

Четыре года спустя сестра, бывшей невесты, ставшая для племянницы настоящей матерью, сталкивается лицом к лицу с отцом ребёнка, о существовании которого он не знал. Его вторжение в их хрупкий мир, выстроенный из пепла и любви, вызывает бурю ненависти, страха и сопротивления.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	33
Глава 6.	41
Глава 7.	51
Глава 8.	61
Глава 9.	69
Глава 10.	78
Глава 11.	86
Глава 12.	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Тата Шу

Измена. В тени его глаз

Глава 1.

Тот вечер в клубе «Эпицентр» был точкой отсчета. Мир Ольги, до этого размеренный и понятный, перевернулся в одно мгновение. Он вошел в ее жизнь без стука, как ураган, – Ян Одоевский. Сын польского аристократа, хоть и обрусевшего, наследник бизнес-империи, он был воплощением опасной мечты. Высокий, с фигурой атлета и пронзительным, будто насквозь видящим взглядом, он притягивал и пугал одновременно.

Он из «золотой молодежи», она из простой семьи. Их первая встреча была не знакомством, а столкновением. Он подошел, не спрашивая, ведомый правом сильного, его пальцы обхватили ее запястье, и он повел ее в центр танцпола. И Ольга, русоволосая, голубоглазая, вся сотканная из света и хрупкости, позволила. Под грохот басов ее длинные волосы превратились в разлетающееся золото, а его сильные руки чувствовали каждый изгиб ее стройного тела. Их роман развивался со скоростью сходящей лавины. Не было времени на нежные ухаживания. Все было огнем, сталью и ветром. Он ворвался в ее жизнь и дарил ей небо, буквально – унося на

своём частном самолёте в Рим на уикенд. Он был на шесть лет старше, и эта разница чувствовалась во всем: в его уверенности, в его властности, в том, как он смотрел на неё – будто на дорогую, но пока не до конца понятную ему вещь.

Их страсть была такой же стремительной и всепоглощающей. Они поднимались в его пентхаус на лифте с зеркальными стенами, и Ольга видела их отражение – он, brutальный и замкнутый в своём желании, и она, вся в розовом румянце, с распущенными по плечам волосами. Он не отводил от неё взгляда, и в этом взгляде было столько голода, что у неё перехватывало дыхание. Дверь закрылась с тихим щелчком, изолируя их от всего мира. Он прижал её к холодной стеклянной стене, за которой простиралась панорама ночного мегаполиса, море огней, лежащее у их ног. Его поцелуй был не вопросом, а притязанием. Вкус дорогого виски и мяты смешался с её клубничной помадой. Он был груб, а она отвечала с такой же яростью, впиваясь пальцами в его жесткие волосы, чувствуя под ладонями напряжение каждой мышцы его спины. Он срывал с неё одежду, не как любовник, а как завоеватель, срывающий покровы с трофея. Её платье упало на пол шелковым облачком. В полумраке, освещённые лишь отблесками города, их тела сплелись в танце, который был одновременно и битвой, и капитуляцией. Он говорил ей на ухо хриплые, отрывистые слова – не нежности, а власти: «Ты моя. Слышишь? Только моя». Его пальцы вплетались в её волосы, слегка оттягивая голову назад, и она, задыха-

ьясь, смотрела в потолок, усеянный отражениями городских огней, словно звездами.

В эти моменты она чувствовала себя и богиней, и пленницей. Его власть была абсолютной, а ее отдача – тотальной. Она растворялась в нем, в этом brutальном поляке, обещавшем ей вечность у алтаря. Дело шло к свадьбе, и в самые жаркие мгновения она представляла себе белое платье и его руку, сжимающую ее пальцы в ритме их страсти.

Но иногда, в самые пиковые моменты, когда сознание уплывало, ей чудилась в его объятиях какая-то отстраненность. Будто часть его, самая главная, оставалась недостижимой, как тот холодный космос за стеклом. Будто он ищет в ней кого-то другого или убегает от себя самого.

Она отмахивалась от этих мыслей, списывая на свою мнительность. Как можно сомневаться в любви, что жжет изнутри? Она не знала, что пламя такой силы не только согревает, но и испепеляет. И что в тени его светло-серых глаз уже таился холодный привкус грядущей измены.

Ян был живым воплощением того, как удачно могут смешаться славянские крови. От русской матери ему достались высокие, точеные скулы и легкая, едва уловимая мягкость в очертаниях губ, которая пробивалась сквозь его обычную суровость. Но доминировала в нем польская стать отца – пронзительный, холодный взгляд светло-серых глаз, казавшихся прозрачными на загорелой коже, и жесткая, волевая линия подбородка. Его волосы были темно-пепельного оттенка, и

когда он проводил по ним рукой, они на мгновение упрямо вставали дыбом, подчеркивая его брутальную, не терпящую возражений натуру. Он был собран из противоречий: славянская душа с европейской холодностью в глазах, и эта смесь сводила с ума.

Вечер стлался за окнами его пентхауса, растворяясь в огнях города. Между ними не осталось ни расстояния, ни недомолвок, лишь тишина, наполненная биением двух сердец. Его дыхание было горячим на ее коже, шепот – обжигающим и властным. Каждое прикосновение его сильных, привыкших к власти рук было не просто лаской, а заявлением на право обладания. Ольга тонула в этом густом коктейле из чувств, где боль от грубости смешивалась со сладостью полного самоотречения. В полумраке комнаты его силуэт, сильный и резкий, нависал над ней, а ее длинные русые волосы рассыпались по подушке, как золотое сияние. Она закрыла глаза, отдаваясь течению, где не было мыслей, только чувства – острые, как лезвие, и бездонные, как ночное небо за стеклом. Это был не просто акт любви; это был ритуал, в котором она и плавилась, и сгорала дотла.

Но за стенами пентхауса, в другом, простом и понятном мире, ее ждала реальность, которую Ольга отчаянно пыталась игнорировать. Мир ее родителей.

Колосовы, Нина Андреевна и Петр Николаевич, были людьми земли и труда, пусть и обласканными достатком в последние годы. Они выбились из простых семей, он – ин-

женер с мозолистыми руками, она – школьная учительница. Их любовь строилась на взаимном уважении, тихих вечерах с чаем на кухне и общей трепетной заботе о детях: об нежной и романтической Оле, хотя той было уже двадцать четыре и она работала, об менее романтической, рациональной Полине, которая заканчивала МГУ и одиннадцатилетнем Илье, увлеченном футболом и компьютером.

Их дом был наполнен смехом, легким беспорядком и запахом домашней выпечки. И в этот уютный мирок, как метеор, ворвался Ян Одоевский. С первой же встречи за обедом напряжение витало в воздухе, густое, как желе. Петр Николаевич, мужчина с спокойным, но твердым взглядом, чувствовал себя скованно. Он пытался завести разговор о политике, о спорте – темы, на которых любой нормальный мужчина должен раскрыться. Но Ян отвечал вежливыми, отточенными фразами, за которыми чувствовалась ледяная стена. Его уверенность была не мужской, а скорее генеральской, не терпящей возражений. Когда он положил руку на запястье Ольги, чтобы поправить браслет, движение было плавным, но в нем было столько собственничества, что у Петра Николаевича сжались кулаки под столом.

Нина Андреевна, женщина с добрыми, но зоркими глазами, беспокойно водила взглядом от дочери, сиявшей как майское солнце, к этому «поляку», как она его про себя называла. Ее материнское сердце, не обманутое ни блеском его часов, ни шикарной машиной у подъезда, сжималось от тре-

воги. Она видела, как он смотрит на Ольгу – не с нежностью, а с оценкой, с холодным восхищением, как смотрят на дорогую вещь в витрине.

– Олечка, он же... он слишком от мира сего, – осторожно говорила она дочери, застав ее одну на кухне. – Такие мужчины, с такими деньгами и властью... они других правил жизни. Они жен своих в золотых клетках держат. А сами... сами, детка, гуляют и налево, и направо. Это испорченная порода.

– Мама, хватит! – отрезала Ольга, с раздражением отставляя чашку. – Ты просто его не знаешь. Он не такой. Он сильный, он настоящий! Ты не понимаешь нашей любви.

– Любовь не должна быть такой... оголенным проводом, – вздыхала Нина Андреевна. – Она должна греть, а не обжигать.

Петр Николаевич был более прямолинеен.

– Дочка, смотри в оба. У него глаза холодные. Деньги разворачивают, а власть – тем более. Он тебя не за человека считает, а за красивую игрушку. Увидишь, наскучишь – и выбросит, не поморщившись.

Но Ольга не слушала. Их слова разбивались о стену ее ослепления. Она видела в их тревоге лишь косность, мелкость, неспособность понять масштаб ее чувств и личности Яна. Ей казалось, что они просто завидуют ее счастью, ее выходу в другой, блестящий мир.

Она не понимала, что это были не слова осуждения, а крик любящих сердец, пытающихся уберечь свое солнышко от на-

двигающейся бури. Они боялись не его денег или происхождения, они боялись той абсолютной власти, которую он имел над их дочерью, и того холодного привкуса, который он принес в их теплый дом. Они видели золотую клетку, в то время как Ольга видела только могущественного охранника у ее двери.

Глава 2.

Несмотря на все мольбы и предостережения родителей, маховик свадебной подготовки раскручивался с неумолимой силой. Уговоры Колосовых разбивались о непробиваемую уверенность Ольги. Она уже жила в иной реальности, где существовали только блеск, страсть и власть Яна. На ее пальце вспыхнул идеально ограненный бриллиант, холодный и тяжелый, словно предвестник грядущих зим. Был забронирован самый престижный ресторан города, а список гостей напоминал страницы из журнала Forbes – сплошь «нужные люди», важные и чужие. Родители Ольги в этом списке значились лишь формально; они чувствовали себя незваными гостями на собственном празднике.

За неделю до свадьбы подруги устроили для Ольги девичник в том самом роковом клубе «Эпицентр». Воздух был густ от духов, шампанского и восторженных возгласов. Ольга, в центре всеобщего внимания, сияла, пытаясь заглушить внутренний, едва уловимый трепет. И именно в этот момент появился Ян. Он не звонил, просто приехал, как хозяин, проверить свое имущество. Его появление остудило веселье. Он вошел, и шумная стайка подруг затихла, расступившись перед ним. Его взгляд скользнул по Ольге, быстрый, оценивающий, и задержался на ее подруге, Карине. Яркая, дерзкая брюнетка с хищным блеском в глазах. Она не опустила

взгляд, а выдержала его, и в воздухе щелкнула невидимая искра. Ян что-то коротко сказал Ольге, сунул ей в руку пачку купюр со словами «оплати свои девичьи посиделки», и ушел так же стремительно, как и появился. А взгляд, который он бросил Карине на прощание, был многообещающим и понятным.

Спустя два дня, предчувствуя недоброе, Ольга поехала в пентхаус к Яну без звонка. Она открыла дверь своим ключом. Тишина в огромной гостиной была звенящей. Она прошла в спальню... Они были в его постели, в той самой, где она растворялась и сторала. Заплетенные в жгут шелковые простыни, разбросанная одежда. И он, и Карина. Подруга.

Ольга застыла на пороге, не в силах издать звук. Сердце просто остановилось.

Первым ее заметил Ян. Он не вздрогнул, не смутился, не попытался прикрыться. Его лицо оставалось спокойным, почти скучающим. Медленно, с королевским равнодушием, он поднялся с кровати, накинул на свои плечи черный шелковый халат и подошел к Ольге. Карина же, напротив, с вызовом укуталась в одеяло, в ее глазах читалось торжество победительницы.

– Оля, – произнес Ян, и его голос был холодным и ровным, без тени раскаяния. Он взял ее за подбородок, заставил поднять на себя глаза, пустые от шока и слез. – Вытри слезы. Это некрасиво. И недостойно тебя.

Она не могла поверить в его слова. Это был сон, кошмар.

– Прими это как данность, – продолжал он, глядя на нее сверху вниз. – С моей стороны все в силе. Ресторан, гости, кольцо на твоём пальце. Ничего не изменилось. Ты будешь моей женой. Просто пойми правила моего мира.

Но в тот момент Оля поняла все. Она поняла, что ее любовь, ее страдания, ее разбитое сердце – всего лишь досадная помеха в его безупречно выстроенной жизни. Она была вещью, которой можно пользоваться, но которую не считают нужным жалеть.

Она не сказала ни слова. Молча, механически, она стерла с лица предательские слезы пальцами, развернулась и вышла из спальни. Она шла по безупречно чистому полу, унося под сердцем не только невыносимую боль, но и его частичку – крошечную, только что зародившуюся жизнь, о которой еще не знал никто, даже она сама.

Ян, удивленный ее молчаливым уходом, попытался ее догнать, схватил за руку в лифте.

– Оля, опомнись! Это ничего не значит! Ты что, не понимаешь? Так устроен наш круг!

Но она лишь вырвала руку, глядя на него пустыми глазами. Она сняла со своего пальца кольцо и швырнула ему в лицо. И он отступил. Его лицо остыло, в глазах мелькнуло разочарование, а затем – ледяное решение.

– Раз не можешь принять мои правила, значит, нам не по пути, – произнес он, и дверцы лифта закрылись, словно перерубив последнюю нить.

Ольга не помнила, как добралась до родительского дома. Она шла, не видя дороги, обжигаемая изнутри ледяным огнем предательства. Мир, который она так яростно отстаивала, рухнул, оставив после себя лишь пепел и боль, острую, как осколок стекла в сердце.

Дверь открыла Нина Андреевна. Одного взгляда на дочь – бледную, с пустыми глазами и дрожащими губами – хватило, чтобы все понять. Она не стала расспрашивать, не произнесла «я же предупреждала». Вместо этого она молча, с тихой силой, обняла Ольгу и втянула ее в дом, в тепло и уют, которые та когда-то с таким пренебрежением отвергла.

– Мама... – выдохнула Ольга, и ее тело вдруг обмякло, выдав рыдание, которое она сдерживала всю дорогу. – Мама, он... с Кариной...

– Плачь, не держи в себе, – шептала мать, укачивая ее, как в детстве, глядя по волосам. – Все пройдет. Все заживет. Ты у нас сильная.

Петр Николаевич, услышав шум, вышел из гостиной. Увидев плачущую жену и обезумевшую от горя дочь, он сжал кулаки, но его гнев был бессилен. Он подошел и молча обнял их обеих, его широкая, надежная ладонь легла на голову Ольги. В его объятиях она снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую папа всегда может защитить от любой беды.

В тот вечер они сидели на кухне. Ольга, укутанная в плед, с красными от слез глазами, наконец, выговорила. Она рас-

сказала все – про клуб, про пентхаус, про холодные глаза Яны и торжествующую ухмылку Карины. Родители слушали молча, не перебивая.

– Я так ему верила... – всхлипывала Оля. – Я ради него с вами спорила...

– Детка, любовь зрячей не бывает, – тихо сказала Нина Андреевна, наливая ей горячего чая. – Ты не виновата. Виноват тот, кто не сумел оценить твоего сердца. И хорошо, что это произошло до свадьбы.

Петр Николаевич мрачно смотрел в стол.

– Значит, так... Значит, он и человек-то не настоящий. Ты вовремя ушла, дочка. Гордиться надо, что хватило духа выбросить его кольцо ему в лицо. Молодец.

Но самая сильная поддержка пришла от Полины. Младшая сестра ворвалась в комнату к Оле и устроила ей «девичник наоборот». Они ели мороженое прямо из банки, смотрели старые комедии и Полина яростно кляла «этого зазнавшегося поляка и эту стерву Карину». Ее неистовый максимализм и безоговорочная вера в то, что Оля «самая красивая и умная, и он просто слепой идиот», потихоньку возвращали Ольге ощущение самой себя.

Прошла неделя, затем другая. Острая боль сменилась глухой, ноющей тоской. А потом пришла тошнота по утрам и странная, непроходящая усталость. Сначала Ольга списывала все на стресс. Но однажды, стоя в ванной, она поймала на себе встревоженный взгляд матери в зеркале. И все поняла.

Тест подтвердил догадки. Две полоски. Не жизнь, а какой-то дурной роман. Ребенок. Ребенок того, кто разбил ей сердце и женился на ее подруге. Ольга сидела на краю ванны, сжимая в руке пластиковый тест, и смотрела в одну точку. Страх, отчаяние, растерянность. Как растить ребенка одной? Что скажут люди? Как смотреть в глаза родителям, которым она и так принесла столько боли?

Она вышла из ванной и молча протянула тест матери. Нина Андреевна взглянула на него, и ее лицо на мгновение исказилось гримасой боли. Но это было лишь на мгновение. Она глубоко вздохнула, подняла глаза на дочь и обняла ее.

– Ну что ж, – сказала она твердо. – Значит, будем бабушкой и дедушкой. И мамой. Вместе справимся.

Вечером собрался семейный совет. Ольга, бледная, ждала осуждения от отца. Но Петр Николаевич, выслушав молча, тяжело вздохнул и подошел к окну.

– Ребенок не виноват, – произнес он, глядя на темнеющую улицу. – Ни в чем. Он – твоя кровиночка, Оля. Наша. А этот... Ян... – он с силой сжал кулаки, – для нас он больше не существует. Этот ребенок – наш. Только наш. Все понятно?

Полина, узнав, что станет тетей, пришла в неистовый восторг.

– Олечка, это же чудо! У тебя будет маленькая копия! Мы будем вместе гулять, покупать ей платьица! – Она уже строила планы, и ее энтузиазм был заразителен.

Их поддержка стала тем спасательным кругом, который

не дал Ольге утонуть. Решение было принято единогласно – ребенка оставлять. Это была не страница из прошлого, а начало новой книги.

Роды были непростыми, но когда Ольга, изможденная и счастливая, услышала первый крик своего ребенка и акушерка сказала: «Поздравляю, у вас девочка», – все муки отступили. Ей принесли крошечный, теплый сверточек. Из него выглядывало личико, сморщенное и прекрасное.

– Тина, – прошептала Ольга, касаясь губами мягкой щеки малышки. – Будем звать тебя Тина. Тина означает сильная.

И в тот миг случилось чудо. Острая, рваная рана в сердце, которую оставил Ян, будто начала затягиваться. Ее заполнила новая, всепоглощающая любовь. Любовь к этому хрупкому существу, которое целиком и полностью зависело от нее. Впервые за долгие месяцы Ольга почувствовала не боль, а свет. Яркий, чистый, исцеляющий.

Маленькая Тина стала центром вселенной для всей семьи. Нина Андреевна и Петр Николаевич души в ней не чаяли. Полина с гордостью носила звание «самой крутой тети». А Ольга, глядя на свою дочь, понимала, что это не напоминание о предательстве, а величайший дар, который помог ей выжить и обрести новый смысл.

И как будто сама судьба хотела подчеркнуть эту двойственность происхождения, Тина начала меняться. Из новорожденного комочка она превратилась в очаровательную де-

вочку с мамиными русыми волосами, ямочками на щеках и нежными чертами. Но глаза... Глаза были его. Светло-серые, прозрачные, как утренний небосвод, с тем же пронзительным, внимательным взглядом, который когда-то свел Ольгу с ума. В этих глазах жила память, но для Ольги они были не символом прошлого, а частью самого дорогого существа на свете – ее дочери. Ее Тина, ее маленькое чудо, исцелившее ее разбитое сердце.

А Ян? Он был человеком действия. Пустующее место невесты не должно было оставаться пустым. Он женился на Карине. Ровно в тот день, в тот же час и в том же ресторане, где должна была быть их свадьба с Олей. Те же гости, те же тосты, только под венец пошла другая – яркая, хищная, готовая принять его мир без условий и лишних эмоций.

А Оля, узнав об этом из соцсетей, сидела в своей комнате в родительском доме, прижимая ладони к еще плоскому животу, и плакала. Но не о потерянной любви, а о том, что ее ребенок никогда не будет знать отца, а она сама – что значит доверять.

Глава 3.

Брак Яна и Карины с самого начала был не союзом, а сделкой, скрепленной не любовью, а взаимным цинизмом. Они оба знали, что он продлится недолго. Ян получил временную, красивую, дерзкую жену, которая не докучала ему сантиментами и не устраивала истерик после его ночных «совещаний». Карина – доступ к ресурсам, статус и полную свободу действий. Она считала, что выиграла джекпот, вытеснив наивную Ольгу.

Первые месяцы прошли в ослепительном блеске. Шумные вечеринки, показы мод, яхтинг на Лазурном Берегу. Карина с головой окунулась в роль молодой жены олигарха, со вкусом тратя деньги мужа на наряды, украшения и пластику. Она была яркой, вызывающей, всегда в центре внимания. И Ян поначалу был доволен. Она идеально вписывалась в его «золотую клетку», более того – она наслаждалась ею, грелась в лучах его богатства и власти, не требуя ничего, кроме чека.

Но очень скоро блеск начал тускнеть, обнажая пустоту. Карина была не хранительницей очага, а его самым затратным декоратором. Их пентхаус превратился в проходной двор. Пока Ян пропадал на встречах, Карина собирала свои «салоны» – такие же яркие, пустые и алчные, как она сама. Слухи о ее разгульном образе жизни, флирте с молодыми моделями и тренерами доходили до Яна, но он лишь отмахивался.

вался. Его это не задевало. Так жили все в его кругу. Жена – для статуса и приличий, любовницы – для удовольствия. Он считал, что они с Кариной достигли идеального консенсуса.

Он не понимал, какое «счастье» ему досталось. Счастье, построенное на предательстве, оказалось фальшивым. Рядом с Кариной его не охватывала та всепоглощающая страсть, что с Ольгой. Не было и тени той хрупкой нежности, той готовности раствориться в нем, которую он с таким пренебрежением отверг. Карина не горела – она потребляла. И в ее обществе он начал чувствовать себя не властителем, а всего лишь самым крупным активом в ее коллекции.

Отец Яна, старый аристократ с железными принципами, был одним из первых, кто разглядел катастрофу. Он вызвал сына в свой кабинет, уставленный фамильными портретами и дубовыми панелями.

– Ян, – начал он, отложив сигару. – Эта... Карина. Она – сорная трава. Красивая, но без корней и чести. Ты позволил ей слишком много. Нужно было держать свое супружеское ложе в узде, а не менять его на первое попавшееся. Ты потерял такую девушку, как Ольга... – Донат Вацлович покачал головой, в его глазах читалось редкое разочарование. – Она была из хорошей семьи, чистая, преданная. В ней была сила. А эта? Она сгубит твое имя. Имя, которое наши предки веками берегли.

Мать Яна, женщина с утонченными манерами и стальным стержнем, была не менее категорична. За чашкой чая она

сказала сыну прямо:

– Ты опозорил нашу семью, Ян. Тем, что выставил напоказ свою беспринципность. Жениться на подруге брошенной невесты? В тот же день, в том же месте? Это дурной тон. Это – плебейство. Ольга была бы достойной наследницей нашего рода. А эта... – она брезгливо поморщилась, – она пахнет дешевыми духами и скандалом.

Слова родителей, как холодная вода, окатили Яна. Он начал смотреть на Карину другими глазами. Ее громкий смех теперь резал слух, ее наглый взгляд – раздражал. Он заметил, как она смотрит на его друзей, оценивая их кошельки и возможности. Их брак стал полем битвы амбиций и взаимных унижений. Развод был громким, как и все, что они делали. Карина, почуяв, что ее «золотой век» под угрозой, наняла самых дорогих адвокатов. Пресса смаковала подробности: тайные счета, подставные фирмы, компрометирующие фото и видео с обеих сторон. Скандал достиг такого масштаба, что даже хладнокровный Ян был вынужден отступить, лишь бы поскорее закрыть эту позорную страницу.

Отступные, которые он выплатил Карине, были астрономическими. Они поставили жирную точку в этом браке, длившемся чуть более года. Когда бумаги были подписаны, Ян стоял у окна своего нового, еще более уединенного пентхауса. За спиной остался бракоразводный процесс, отголоски скандала, пустая квартира и горькое послевкусие.

Именно в этой тишине его впервые настигло прозрение.

Он потерял не просто «ту девушку». Он потерял Ольгу. Ту, что смотрела на него с обожанием, а не с расчетом. Ту, что готова была отдать ему все, а не взять как можно больше. Он променял настоящее чувство на дешевую подделку, приняв страсть Карины за влюбленность, а ее алчность – за понимание его мира. Ян понимал, что не любил Ольгу, но она стала бы достойной, верной женой. И та страсть, что он испытывал к Ольге, со временем могла бы превратиться в более глубокое чувство.

Он выбросил алмаз, приняв за него блестящую стекляшку. И теперь, когда суэта улеглась, он остался наедине с холодным осознанием своей ошибки. Ошибки, которую уже нельзя было исправить. Ольга исчезла из его жизни навсегда, оставив после себя лишь призрачное «что, если бы...» и жгучую, бесполезную досаду. Он был королем, проигравшим свою королеву в первой же, самой важной партии, и теперь его трон казался ему невероятно одиноким.

Тем временем, пока в мире Одоевских кипели страсти из-за развода, скандалов и дележа миллионов, в просторной, уютной квартире Колосовых царила совсем иная, теплая и хлопотная суэта. Приближался первый в жизни маленькой Тины настоящий праздник – ее день рождения.

Илья под руководством отца Петра Николаевича надувал разноцветные шарики, изображая суровую концентрацию, но на его лице то и дело прорывалась улыбка. Приехавшие из другого города родители Нины Андреевны навезли подар-

ков своей правнучке. Нина Андреевна и ее мама, бабушка Анна, на кухне колдовали над праздничным тортом в виде зайки, заливая белоснежную глазурь и споря, достаточно ли ягод для усов. Петр Николаевич с тестем, Андреем Степановичем, устанавливали в гостиной новую качельку для именинницы – главный и тщательно скрываемый сюрприз.

Ольга, с сияющими от счастья глазами, кружила по квартире с Тинкой. Девочка, одетая в крошечное розовое платьице, хохотала, хватая маму за волосы. В воздухе пахло ванилью, свежей выпечкой и предвкушением праздника. Это был их мир – крепкий, любящий, цельный. Островок счастья, который они выстроили вопреки всему.

Не хватало только Полины. Она задержалась на работе – срочный проект, обещала быть к самому началу, к семи. Ольга то и дело поглядывала на часы, мысленно подгоняя сестру.

Полина действительно мчалась сломя голову. Проклиная начальство и дедлайны, она неслась по вечернему городу, прижимая к себе плюшевого зайку – подарок для племянницы. Она представляла, как Тина ахнет, как засмеется Илья, как мама покачает головой, мол, «опять деньги на ветер». Она улыбалась, торопясь домой, в свое тепло, в свою крепость.

Она припарковалась у своего подъезда, как всегда, и уже собиралась вытащить ключи, когда странный гулкий звук, похожий на подземный удар, заставил ее вздрогнуть. Земля

под ногами дрогнула. И тут же, из окон ее подъезда, вырвался сноп огня, и грохот, оглушительный, разрывающий мир на части, обрушился на нее. Стекло в соседних домах звенело, падая на асфальт дождем осколков. Сработала сигнализация машин. А потом – тишина. На секунду. И потом – крики.

Полина застыла, не в силах осознать. Ее подъезд. Из развороченного бетона и искореженного металла валил черный, едкий дым.

– Нет... – прошептала она. – Нет, нет, нет...

Потом ее как будто отпустило. С диким, животным криком: «МАМА! ОЛЯ! ИЛЬЯ!» она рванулась вперед, к горящему зиянию, где еще минуту назад была дверь в ее дом.

Ее схватили за руки. Сильные руки соседей, подоспевших пожарных.

– Отпустите! Моя семья там! Там моя сестра! Ребенок! – она билась, царапалась, пыталась вырваться, глаза ее были полны безумия и ужаса. Ее не пускали. Адское пекло и опасность обрушения были очевидны даже в ее помутневшем сознании.

Она наблюдала, как в огне и дыму работают спасатели, как выносят тела, укрытые брезентом. Каждое такое тело было для нее ударом ножом. Она уже не кричала. Она сидела на холодном бордюре, обняв своего плюшевого зайку, вся в пыли и саже, и беззвучно шептала их имена, превратившись в одно сплошное, живое страдание. У нее не осталось ничего. Все. Вся ее вселенная была в том пекле.

И вот, спустя часы, которые показались вечностью, один из спасателей, его лицо было черным от копоти и боли, подошел к ней. В руках он держал что-то завернутое в огнеупорное одеяло.

– Девушка... – его голос был хриплым от усталости. – Вы... Полина?

Она не могла говорить, лишь кивнула, уставившись на сверток.

– Мы нашли ее... в дальней комнате. Завалило шкафом, он принял на себя удар балки... Видимо, родилась в рубашке. Она... жива.

Он осторожно развернул край одеяла. Оттуда пахнуло дымом и пылью. И показалось личико. Запачканное, в царапинах, но живое. Светло-серые, испуганные глаза Тины смотрели на тетю, не моргая. Полина издала звук, похожий на стон. Она протянула дрожащие руки и прижала теплый, живой комочек к своей израненной груди. Тина тихо захныкала.

Вот он – единственный осколок ее разбитого мира. Единственная ниточка, связывающая ее с тем, что было ее жизнью. Ее племянница. Ее дочь теперь. Ее крошечная, хрупкая и невероятная причина жить дальше. Среди пепла, боли и невыносимой утраты, судьба, жестокая и милосердная одновременно, оставила им друг друга.

Глава 4.

Полина сидела на бордюре, прижимая к себе Тину, закутанную в спасательное одеяло. Мир вокруг был хаосом – сирены, крики, гулкая команда пожарных, приглушенный плач соседей. Она не чувствовала ни холода сентябрьской ночи, ни шока, ни собственного тела. Она была пустой скорлупой, в которой звенела лишь одна мысль: «Все погибли».

К ней подошел медик в заляпанной грязью форме.

– Девушка, вам нужно в больницу. И ребенка обследовать.

Поехали с нами.

Она молча позволила поднять себя. Ее усадили в санитарную машину, передали на руки Тину. Девочка, измученная и напуганная, наконец, заснула, уткнувшись личиком в шею тети. Полина смотрела в маленькое окошко реанимобиля на удаляющиеся руины своего дома, своего счастья. Огонь уже потушили, и от здания оставался лишь черный, дымящийся скелет, остов былой жизни. В ее глазах не было слез – только пустота, более страшная, чем любая боль. Двери «скорой» закрылись, и машина, включив сирену, помчалась в сторону больницы, увозя последних оставшихся в живых из семьи Колосовых.

В это же время в своем ультрасовременном пентхаусе Ян Одоевский бесцельно бродил из комнаты в комнату. После развода с Кариной его жизнь, несмотря на все богатство и

власть, стала напоминать изысканно обставленную тюрьму. Тишина здесь была звенящей. Он пытался заглушить внутреннюю пустоту работой, но даже многомиллионные сделки не приносили удовлетворения. Мысли об Ольге возвращались с навязчивой, болезненной регулярностью. Он все чаще ловил себя на том, что сравнивает холодный расчет Карины с ее искренней, пусть и наивной, страстью. Он включил большой панорамный телевизор, просто для фона. Новостной канал показывал сюжет о пожаре в одном из спальных районов. Ян уже хотел переключить, его взгляд скользнул по экрану с привычным равнодушием, но вдруг зацепился за знакомые очертания. Камера показывала горящее здание, а затем – панораму улицы. Его сердце на мгновение замерло. Он узнал этот двор, этот подъезд. Это был дом Колосовых.

Репортер, стараясь говорить драматично, вещал с экрана: – ...по предварительным данным, причиной чудовищного взрыва стал бытовой газ. На месте работают все экстренные службы. По предварительной информации, есть погибшие. Спасатели продолжают разбирать завалы...

Яна будто ударило током. Он застыл, не в силах пошевелиться. Перед глазами поплыли картинки: улыбка Ольги, строгий, но честный взгляд ее отца, добрые глаза Нины Андреевны. Все, кого он предал, кого выбросил из своей жизни с таким пренебрежением. И Ольга...

Впервые за долгие годы что-то человеческое, теплое и живое, прорвалось сквозь ледяную броню его равнодушия. Это

была не просто жалость. Это было осознание собственной вины, страшное и неотвратимое. Он сломал ей жизнь, а теперь и сама ее жизнь оборвалась так чудовищно и нелепо. Он чувствовал, как по спине бегут мурашки. Ему нужно было туда. Сейчас же. Не думая, на автомате, он схватил ключи от внедорожника и выскочил из пентхауса. Дорога заняла вечность, хотя он мчался, нарушая все правила. Он не знал, зачем едет. Утешать? Помогать? Это звучало бы цинично даже для него. Просто увидеть. Убедиться. Понести это знание как самое тяжелое наказание.

Когда он подъехал, все было оцеплено. Пожарные машины, полиция, толпы зевак. Воздух был густым и едким от запаха гари и пыли. Он припарковался подальше и пошел к оцеплению. Его дорогой костюм и уверенная походка выделялись его на фоне спасателей в закопченной форме. Он подошел к группе пожарных, которые пили воду, их лица были серыми от усталости и копоти.

– Извините, – его голос прозвучал непривычно хрипло. – Семья Колосовых... Они... здесь жили.

Один из пожарных, старший по званию, тяжело взглянул на него. В его глазах не было ничего, кроме профессиональной усталости и горького опыта.

– Колосовы? Квартира на четвертом? – Он вытер лицо рукавом и мрачно кивнул в сторону руин. – Да, там... Никто не выжил. Взрыв был в эпицентре, прямо над ними. Нашли сразу четверых: супружеская пара, подросток, девушка. По-

чти... почти не пострадала с виду, видимо, от взрывной волны. И еще двое – мужчина и женщина, сильно обгорели. Всех уже увезли. Для Яна в этих словах заключался весь ужас случившегося. Он представил Ольгу в последние мгновения, в том уюте, который она предпочла его холодному блеску. И этот уют стал ее могилой. В его версии реальности Ольга навсегда осталась той раненой, покинутой невестой. Он не стал спрашивать дальше. Кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и медленно, как глубокий старик, побрел назад к своей машине. Он уехал, уверенный, что стер с лица земли все, что связывало его с Ольгой. Он не знал, что в тот самый момент, в стерильной больничной палате, Полина, вся в синяках и ссадинах, не выпускала из рук маленькую теплую ладошку Тины – живого, хрупкого и самого главного свидетельства того, что Ольга когда-то жила и любила.

Полина не помнила, как их доставили в больницу. Ее и Тину поместили в отдельную палату в детском отделении. Девочку осмотрели: к счастью, кроме легких ссадин, испуга и вдыхания дыма, серьезных травм не нашли. Медсестра принесла детское питание и пеленки, и Тина, наевшись, наконец, крепко уснула в больничной кровати, сжимая в крошечном кулачке палец тети.

Полина же не могла уснуть. Она сидела на стуле рядом, уставившись в одну точку. Врач, заходивший проведать их, говорил что-то про шок, предлагал успокоительное, но она лишь мотала головой. Ей нужно было чувствовать эту боль.

Она была последним, что связывало ее с ними. С мамой, папой, Олей... С Ильей. С бабушкой и дедушкой.

Мысль о младшем брате заставляла ее сжиматься изнутри. Он был таким жизнерадостным, таким... живым.

Вдруг дверь в палату тихо открылась. На пороге стояла медсестра, та самая, что помогала с Тиной. Ее лицо было странным – не скорбным, а скорее ошеломленным.

– Полина? – тихо позвала она. – Вам нужно... Вам нужно пройти со мной.

– Что с Тинкой? – мгновенно встрепенулась Полина, вскакивая.

– С девочкой все в порядке. Это... насчет вашего брата.

Сердце Полины упало и замерло. Значит, нашли. Теперь все окончательно. Кончено.

– Он жив, – быстро сказала медсестра, видя ее состояние. – Его только что доставили. Тяжелое сотрясение, перелом ключицы, ожоги... но он жив, Полина! Он в реанимации.

Мир перед Полиной поплыл. Она схватилась за косяк двери, чтобы не упасть.

– Жив? – это слово прозвучало как чужое, незнакомое. – Илья... жив?

Она не помнила, как они шли по длинным, ярко освещенным коридорам. Как миновали посты, как подошли к палате интенсивной терапии. За стеклом она увидела его. Лицо было бледным, в синяках, одна щека замотана белой повязкой.

Глаза закрыты. К груди и руке были подключены датчики, показывающие ровную, слабую линию пульса. Но это был он. Ее брат. Ее непоседливый, вечно улыбающийся Илья.

Ей разрешили зайти на пять минут. Она подошла к кровати, осторожно, боясь разбудить или сломать, коснулась его неповрежденной руки.

– Илюш... – выдохнула она, и слезы, которые не могли пробиться сквозь шок, наконец, хлынули потоком. Горячие, горькие, облегчающие. – Ты живой...

Пальцы Ильи слабо дрогнули в ее руке. Он был без сознания, но, казалось, почувствовал ее присутствие.

Врач, дежуривший в отделении, объяснил, что его нашли в комнате, заваленной обломками. Его откопали одним из последних, уже почти не надеясь найти живых.

Полина вернулась в свою палату к Тине преображенной. Горе никуда не делось, оно было все таким же всепоглощающим и страшным. Но в нем появилась крошечная, но прочная трещинка света. Она была не одна. У нее был Илья. И у них была Тина.

Теперь она должна была быть сильной за троих. За себя, за брата, за племянницу. Она подошла к кровати, где спала Тина, и положила руку на ее спинку, чувствуя ровное, спокойное дыхание.

– Ты не одна, малышка, – прошептала она. – И я не одна. У нас есть Илья. Мы выжили. И мы будем держаться вместе. Она не знала, что в этот самый момент Ян Одоевский ехал

домой. Он не знал, что его дочь, та самая, о существовании которой он не подозревал, дышала одним воздухом с ним в этом городе, и что история, которую он считал законченной, была готова перевернуться с новой, еще более страшной и исцеляющей силой.

А в больничной палате Полина, стиснув зубы, уже строила планы. Планы на выживание. На новую жизнь. Пока – просто на то, чтобы утром быть рядом с Ильей, когда он придет в себя, и чтобы Тина проснулась и увидела знакомое лицо. Это был ее новый фронт. И она не собиралась отступать.

Глава 5.

Палата Ильи пахла антисептиком и тишиной. Полина, не спавшая всю ночь, сидела у его кровати, не сводя с него глаз. Лицо ее было бледным, но слез не было. Только сосредоточенность. Она мысленно повторяла, как мантру: «Проснись, Илюш. Просто открой глаза».

И вот его палец снова дрогнул у нее в ладони. Потом веки. С тихим стоном, полным боли и непонимания, Илья медленно открыл глаза. Они были мутными, затуманенными болью и лекарствами. Он бессмысленно смотрел в потолок несколько секунд, пока его взгляд не сфокусировался на сестре.

– По... ля? – его голос был хриплым шепотом, едва слышимым.

– Я здесь, Илюш. Я здесь, – она сжала его руку крепче, наклоняясь ближе.

– Где... что... – он попытался пошевелиться, и гримаса боли исказила его лицо.

– Тихо, не двигайся. Ты в больнице. С тобой все будет хорошо.

Он закрыл глаза, как бы собираясь с мыслями, а потом снова открыл их, и в них появился ужасающий проблеск осознания.

– Взрыв... – выдохнул он. – Был взрыв... Мама... папа...

Оля... Тина...

Полина не нашлась, что сказать. Любая ложь была бы кощунством. Она просто смотрела на него, и по ее лицу он все понял. По тому, как сжались ее губы, как напряглись мышцы на щеках. В его глазах запеклось недоумение, а потом хлынули слезы. Тихие, бессильные слезы, которые он даже не пытался смахнуть.

– Всех? – прошептал он, и в этом одном слове была вся бездна его отчаяния.

Полина молча кивнула, и ее собственная боль, казалось, удвоилась, слившись с его болью. Она обняла его за плечи, осторожно, избегая повязок, и прижалась щекой к его голове.

– Но мы с тобой живы, – сказала она, и голос ее окреп. – И есть еще кое-кто. Тина. Наша малышка. Она жива, Илья. Чудом.

Он смотрел на нее, не в силах осознать это. Жива Тина. Сестра жива. А всех остальных нет. Мир рухнул и заново собрался в какую-то уродливую, невероятную конструкцию за несколько секунд.

– Мы будем держаться, – сказала Полина, глядя ему прямо в глаза. – Мы – это ты, я и Тина. Теперь мы – семья. И я ни за что тебя не брошу. Никогда.

День похорон был серым и безветренным, будто сама природа застыла в немом ожидании. Полина оставила Тиму с Ильей в больнице. Брат был еще слишком слаб, да и вести

ребенка на такое прощание было бы жестоко.

Она стояла одна перед свежими могилами. Гробы уже опустили в землю. Венки казались кричаще яркими пятнами на фоне унылой земли и серого неба. Воздух был плотным и холодным. Полина не плакала. Внутри нее все было выжжено дотла. Она смотрела на холмы свежей глины, и в ее памяти всплывали лица: мамин ласковый взгляд, папина уставшая улыбка после работы, Олина безудержная радость, когда она показывала ей первый снимок Тины на УЗИ. Она опустилась на колени, не обращая внимания на влажную землю, просачивающуюся сквозь ткань брюк.

– Простите, что не уберегла, – прошептала она, и голос ее был твердым, как сталь.

Она провела ладонью по холодной земле на могиле родителей, как бы пытаясь дотронуться до них в последний раз.

– Я даю вам слово, – сказала она громко, чтобы они услышали ее там, в ином мире. – Я никогда, слышите, никогда не брошу Илью. Он будет жить. Он будет счастлив. Я сделаю для него все. И Тина... – ее голос дрогнул, но она взяла себя в руки. – Тина теперь моя дочь. Я стану для нее матерью. Я выращу ее сильной и счастливой. Я расскажу ей о вас. О том, какие вы были... какие они все были.

Она встала, отряхнула колени. В ее глазах горел новый огонь – не огонь разрушения, а огонь решимости.

– Это моя клятва. Спите спокойно.

Она села в свою машину – маленький, юркий хэтчбек, ко-

торый родители подарили ей на окончание университета, казалось, в прошлой жизни. Салон все еще пахнет ее любимой воздушной отдушкой, и на зеркале заднего вида висит подаренный Олей смешной брелок. Эти мелочи были островками прошлого в абсолютно новом, пугающем мире.

Она завела двигатель, и привычный гул мотора показался ей голосом из другого измерения. Она посмотрела в зеркало заднего вида. Там было не лицо беззаботной девушки, какой она была несколько дней назад. Из зеркала на нее смотрела женщина. Женщина, на чьи плечи легла тяжесть потери, ответственности и клятвы, данной над могилами.

Полина глубоко вдохнула, сжала руль и тронулась с места. Она ехала не домой. Дома больше не было. Она ехала в больницу. К Илье. К Тине. К своему новому фронту. К своей новой семье, собранной из осколков старого счастья. И каждый метр пути от кладбища к больнице был шагом по направлению к новой жизни, в которой не было места слабости. Только любовь. Только долг. И тихая, холодная ярость, которую она пока закопала глубоко внутри, чтобы однажды, когда придет время, позволить ей прорости.

Переезд в родительскую квартиру отца был похож на переселение в чужую жизнь. Полина помнила ее другой – наполненной запахами бабушкиных пирогов и дедушкиного табака, с старомодными коврами на стенах и громоздкой стенкой в гостиной. Теперь же это было безликое пространство с потрепанной мебелью, оставшейся от съемщиков, и

запахом чужих духов.

Полина зашла внутрь с Тиной на руках. Девочка, привыкшая к больничной стерильности, нахмурила носик и расплакалась. Полина покачала ее, стоя посреди гостиной.

– Тихо, солнышко, тихо. Это теперь наш дом, – шептала она, и слова звучали как чужое заклинание. «Наш дом». Было странно осознавать, что у них вообще есть дом.

Первые дни прошли в мучительных хлопотах: выкинуть следы чужих жизней, вымыть все до блеска, расставить немногие уцелевшие семейные фотографии. Каждая вещь из старой жизни – бабушкин сервиз, папины книги – была одновременно болью и опорой. Она привезла Илью, когда его выписали. Он молча переступил порог, молча прошел в свою новую комнату и закрылся. Его молчание было громче любых слов.

Возвращаться на работу было страшно. Офис, где все было знакомо до мелочей, теперь казался чужим и нереальным. Коллеги встретили ее сдержанно и сочувственно. Кто-то избегал глаз, кто-то тихо жал руку. К ее столу подошла секретарь Маша и положила перед ней плотный конверт.

– Это от всех, Поля... – сказала она, глотая слезы. – Собрали, что могли. Не отказывайся, ладно? Там немного, но на первое время...

Полина взяла конверт. Он был тяжелым, не столько от денег, сколько от этой простой, искренней человеческой доброты. Ее сжатое сердце на мгновение оттаяло.

– Спасибо, – прошептала она, и этого слова было достаточно.

Через час ее вызвал к себе хозяин фирмы, Аркадий Петрович. Он сидел в своем просторном кабинете за массивным столом и смотрел на нее не как начальник, а как уставший, много повидавший мужчина.

– Полина, садись, – начал он, когда она закрыла дверь. – Не буду тебя мучить соболезнованиями. Сказать, что мне жаль – ничего не сказать. Но мы с тобой должны говорить о деле.

Она молча кивнула, готовясь к худшему.

– Ты – ценный специалист. Один из лучших. Но я смотрю на тебя и понимаю: тому сотруднику, который уходил две недели назад, уже не вернуться. У тебя сейчас другие приоритеты. Другой фронт, как ты, наверное, сама понимаешь.

Он вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Такой сотрудник, с такими... проблемами, мне не нужен. Это жестоко, но это бизнес. Ты не сможешь работать в прежнем режиме, с полной отдачей. А держать тебя из жалости – унижать и тебя, и твои способности.

Полина слушала, и странным образом его слова не обижали ее. Они были горькой, но правдой. Она и сама это понимала. Маленькая Тина сейчас с Ильей. Она нервничала. И теперь ее нервозность по поводу оставшихся в живых, уже ее не покинет.

– Но я не нелюдь, – продолжил Аркадий Петрович. – Я

подготовил для тебя выходное пособие. В три раза больше положенного. И лучшую характеристику, какую ты только можешь представить. Тебе она понадобится. Для опеки над братом, для удочерения племянницы... Суды, органы опеки – бумажка с печатью решает многое.

Он достал из ящика папку и протянул ей.

– Здесь твои документы, трудовая с записью «по собственному желанию», характеристика и мой личный чек. И моя визитка. Если возникнут проблемы с бюрократией, мой юрист поможет. Бесплатно. Считай это моим долгом перед твоими родителями. Мы были знакомы.

Полина взяла папку. Рука не дрогнула. Она смотрела на него, и в ее голове уже выстраивалась новая карта реальности. Он был прав. Ей нужны были не рабочие проекты, а время, силы и юридическая безупречность для оформления новой жизни для Ильи и Тины. Деньги с пособия, компенсации и продажи одной из будущих унаследованных квартир давали ей этот шанс.

– Я понимаю, Аркадий Петрович, – тихо, но четко сказала она. – Спасибо. За правду и за помощь. Я согласна.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло уважение.

– Держись, Полина. Ты – сильная. И помни, вам положены выплаты от государства. Доведи все до ума.

За спиной захлопывается дверь в ее прошлую, успешную, беззаботную жизнь. Но впереди не было пустоты. Впереди были Илья и Тина.

Вечером того же дня, уложив Тину спать, Полина села за стол с кипой документов, которые принесла из больницы и загса. Она взяла блокнот и написала на чистом листе: «ПЛАН».

Оформить опеку над Ильей.

Инициировать процесс удочерения Тины.

Вступить в права наследования:

* Квартира бабушки и дедушки по отцу.

* Квартира бабушки по матери.

* Дача.

Выплаты и пособия.

Она смотрела на этот список. Впереди были месяцы походов по инстанциям, справок и заявлений. Это была не жизнь, а бесконечный марафон по ее обломкам.

Она подошла к окну и посмотрела на темнеющий город.

Глава 6.

Жизнь Полины разделилась на «до» и «после» не только из-за потери семьи, но и из-за полного переформатирования ее личного пространства. Одним из самых горьких, хоть и ожидаемых, уроков стало поведение Артема, молодого человека, который за ней ухаживал.

Их отношения были еще молодыми, светлыми и полными планов – походы в кино, спонтанные поездки за город, общие друзья, мечты о совместном отпуске на море. Артем казался надежным, искренним, его глаза загорались, когда он смотрел на Полину. Но вся эта хрупкая конструкция, построенная на веселье и беззаботности, рассыпалась в прах перед лицом настоящей трагедии. Первые дни после взрыва он был рядом. Приезжал в больницу, приносил еду, пытался утешить, держал за руку. Но в его глазах, помимо сочувствия, уже читалась растерянность, почти паника. Он был мальчиком из хорошей семьи, чья жизнь представляла собой ровный, предсказуемый асфальт, и он вдруг оказался на краю бездны чужого горя, в которую его затягивало.

Когда Полина, похоронив родных, переехала в старую квартиру с годовалым ребенком и травмированным подростком, Артем приехал в гости. Он зашел в квартиру, пахнущую краской и старыми книгами, и увидел новую реальность. Полину – не ухоженную, стильную девушку, а уставшую жен-

щину в спортивных штанах, с темными кругами под глазами, с небрежно заплетенной косой, разогревающую детское пюре на кухне. Илья молча сидел в углу, уставившись в стену. Тина плакала на руках у Полины.

Он пробыл всего полчаса. Говорил что-то неуместное и пустое, избегал смотреть в глаза. А на прощание, уже в дверях, произнес:

– Поля, ты сильная. Я... я буду звонить.

Он не стал звонить. Сначала были редкие, тягостные сообщения: «Как ты?», «Держись». Потом и они сошли на нет. Полина видела его обновления в соцсетях: новые вечеринки, походы в бары, фото с друзьями. Его жизнь пошла дальше, по накатанной колее, в то время как ее жизнь превратилась в полосу препятствий, которую ей предстояло проходить ежедневно и в одиночку. Сначала ей было больно. Это предательство, пусть и маленькое, на фоне огромной потери, жгло изнутри. Но очень быстро боль сменилась холодным пониманием. Ей было не до него. Ей было не до себя прежней. Зачем ему ее проблемы? Его мир и ее мир больше не пересекались. Он исчез с ее горизонта, как дым, и она не стала его искать или упрекать. Просто вычеркнула, как вычеркивают ненужную страницу из старого блокнота. Она окунулась с головой в свою новую, суровую, но настоящую реальность. Реальность, которая состояла из подгузников, расписания кормлений, походов по инстанциям и тихих вечеров с Ильей.

Маленькая Тина стала ее центром. Девочка, к счастью, была крепкой и мало болела. Она инстинктивно тянулась к Полине, ища в ней защиту и тепло. И вот однажды, когда Тина лежала в своей кроватке и щебетала, Полина, как всегда, наклонилась к ней с бутылочкой молока, шепча:

– Тише, малыш, сейчас мама тебя покормит и ты будешь крепко спать и видеть сладкие сны.

И в тот миг Тина посмотрела на нее своими ясными, серыми глазками, улыбнулась беззубым ртом и четко, безошибочно произнесла:

– Ма-ма.

Полина застыла. Это слово обожгло ее, как электрический разряд. Оно было одновременно и самым страшным, и самым прекрасным, что она слышала. Оно было не просто звуком. Оно было доверием, приговором, клятвой и новой идентичностью. Слезы хлынули из ее глаз ручьем, но это были слезы очищения. Она взяла Тину на руки, прижала к себе и прошептала сквозь рыдания:

– Да, моя хорошая. Мама. Я твоя мама.

С этого дня Тина стала называть ее мамой. И Полина перестала быть тетей. Она стала матерью. Это слово стало ее щитом и ее смыслом.

Илья, тем временем, переживал свое горе по-своему. Тишина, в которую он погрузился после выписки из больницы, медленно начала отступать. Его спасла Тина. Сначала он просто помогал Полине – подавал бутылочку, качал коляску.

Потом начал разговаривать с девочкой, строить ей рожицы. А однажды, когда Тина безутешно плакала, он взял ее на руки и проходил с ней по комнате до тех пор, пока она не уснула, прижавшись к его плечу. В тот вечер Полина увидела в его глазах не боль, а ответственность. Он рано повзрослел. Бросил футбольную секцию, сказав, что «не тянет». Вместо этого он взял на себя все мужские обязанности по дому – чинил сломанную мебель, ходил за продуктами, носил тяжелые пакеты с детским питанием. Он стал правой рукой Полины, ее молчаливой, но нестигаемой опорой. Они почти не говорили о случившемся, их общение заключалось в действиях, в заботе друг о друге и о Тине. Вместе они были крепостью.

И Полина, стиснув зубы, принялась за тот самый список, который когда-то выписала на листке с заголовком «ПЛАН». Это была ее дорожная карта по выживанию.

Она провела месяцы в бесконечных очередях, судах и органах опеки. Бумажная волокита была адом, но ее решимость и безупречно собранные документы ломали любые преграды. Она оформила опеку над несовершеннолетним Ильей. Затем, самый сложный и эмоциональный процесс – удочерение Тины. Судья, глядя на эту девушку с ясным, уставшим взглядом и на сидящего рядом с ней подтянутого подростка, дал положительное решение без лишних вопросов. В тот день они с Ильей купили торт и отпраздновали это маленькое, но такое важное событие.

Она вступила в права наследования. Продала в другом го-

роде квартиру, доставшуюся от бабушки и дедушки. Деньги стали их финансовой подушкой безопасности. Часть средств она направила на скромный, но тщательный косметический ремонт в их двухкомнатной квартире. Они вместе с Ильей выбирали обои для Тины, краску для стен. Превратили уютное пространство в свой дом – может, и не идеальный, но наполненный их общим трудом и любовью.

Все пункты из того списка были выполнены. Все пособия и выплаты получены. Казалось, можно было выдохнуть. Но Полина понимала – это был не финиш, а лишь завершение первого, самого страшного круга. Впереди была вся жизнь. Жизнь, в которой у нее была дочь, которая назвала ее мамой, и брат, ставший ей верным другом и соратником. Они стояли у начала своего нового пути, три выживших осколка одной большой семьи, готовые нести все, что уготовила им судьба.

Жизнь, как река после страшного водоворота, постепенно возвращалась в свое русло. Оно было уже другим – не широким и беззаботным, а узким, с четкими берегами, но спокойным и предсказуемым. Их дни текли в ритме, заданном расписанием детского сада и тихой, взаимной заботой друг о друге. Их быт был скромным, почти аскетичным. Полина, наученная горьким опытом потери, вела хозяйство с расчетливой бережливостью. Решение устроиться нянечкой в тот самый детский сад, куда пошла Тина, было продиктовано не только финансовой необходимостью, но и глубинным материнским инстинктом – быть ближе к дочери, дышать с

ней одним воздухом, всегда быть на расстоянии вытянутой руки. Зарплата была небольшой, но зато она знала каждый уголок группы, каждую игрушку и каждую сверстницу своей малышки. Она видела, как Тина играет в песочнице, как застенчиво делится игрушками с другими детьми, как засыпает во время тихого часа. Это знание, эта ежедневная близость стали для нее бесценным успокоительным, пластырем на вечно ноющую рану тревоги.

Одежду для Тины они покупали на распродажах. Илья, теперь уже крепкий парень, брал мелкие подработки – помогал разгружать машины у соседнего магазина, чинил технику одноклассникам. Каждая заработанная им копейка была предметом тихой гордости, и он торжественно отдавал их Полине, которая откладывала часть на его будущую учебу, а на другую часть покупала ему что-то действительно нужное.

Они почти не касались той самой «денежной подушки» – вырученных от продажи квартиры средств и полученной компенсации за потерянное жилье и имущество. Они скромно жили на ее зарплату и пособие Ильи. А счет в банке – был их тыл, их страховка от любых невзгод, последний рубеж обороны. Эти деньги были предназначены для настоящих кризисов, для учебы Ильи и Тины в будущем. Запустить в них руку ради сиюминутных желаний было для Полины равносильно предательству памяти родителей, оставивших им этот ресурс.

Их мир сузился до стен квартиры, детского сада и школы

Илья. По вечерам они собирались все вместе на ужин. Тина, болтливая и непоседливая, щебетала о своих детсадовских делах, а Полина, зная всех героев ее рассказов, могла поддержать любой разговор. Илья молча слушал, а потом они все вместе мыли посуду, и в этой простой рутине рождалось редкое чувство тихого, глубокого счастья, рожденного не из веселья, а из чувства сохраненного мира.

Но в году были даты, которые подступали к этому миру тенью. И самой тяжелой из них был день рождения Тины. Тот самый день, который должен был стать праздником, а навсегда остался в памяти днем огня, боли и потерь.

За несколько недель до третьего дня рождения дочки Полина заметила, что стала раздражительной, а по ночам ее мучили кошмары. На работе, в саду, она невольно чаще подходила к Тине, поправляла ей волосы, прислушивалась к ее дыханию. Илья тоже ходил хмурым и молчаливым. Они оба чувствовали приближение этой черной даты.

И вот однажды вечером, когда Тина уже спала, Полина села на диван рядом с Ильей, который смотрел в окно на темнеющее небо.

– Илюш, – тихо начала она. – На носу... день рождения Тины.

Он лишь кивнул, не отводя взгляда от окна.

– Я не могу, – голос Полины дрогнул. – Я не могу в этот день вешать шарики и делать вид, что все хорошо. Для нас с тобой этот день... он другой.

– Я знаю, – так же тихо ответил Илья. – Мы пойдем... туда. На кладбище.

– Именно. И это правильно. Мы должны быть с ними в этот день. Но Тина... – Полина посмотрела в сторону комнаты, где спала Тина. – Она не должна это нести на себе. Ее день рождения не должен ассоциироваться с горем. Не должен начинаться с того, что ее мама и дядя уходят, а возвращаются с красными глазами.

Илья наконец повернулся к ней. В его глазах, всегда таких взрослых, мелькнуло понимание.

– Ты хочешь перенести праздник?

– Не перенести. А разделить, – объяснила Полина. – Пусть сам день ее рождения будет для нас с тобой днем памяти. Мы ходим к ним... проведем там время, поплачем, если хочется. Отдадим им свою боль. А на следующий день... – она сделала усилие, чтобы голос звучал тверже, – на следующий день мы устроим для Тины настоящий праздник. С шариками, тортом, подарками. С весельем. Чтобы у нее в памяти оставался только свет. Только радость.

Илья долго молчал, обдумывая ее слова. Затем уголки его губ дрогнули в слабой, но одобрительной улыбке.

– Это правильно. Так и сделаем. Она не виновата. Пусть у нее будет свой день. Настоящий.

Решение было принято. В сам день рождения Тины Полина взяла отгул в саду. Они с Ильей пришли на кладбище, принесли цветы, долго стояли у могил, говоря с теми, кого

не стало, беззвучно, про себя. Полина шептала: «Мы стараемся. Мы держимся. Ваша внучка растет хорошей девочкой. Мы ее очень любим». Илья, сжав кулаки в карманах куртки, молча клялся быть достойным их памяти. Этот день был их личным днем скорби, их свиданием с прошлым.

А на следующее утро квартира преобразилась. Они с Ильей надули разноцветные шарики, накрыли стол. Полина, используя навыки, подмеченные на работе во время детских утренников, испекла торт в виде смешарика – любимого мультгероя Тины. Когда девочка проснулась и вышла в гостиную, ее глаза округлились от восторга.

– Ура! День рождение! – закричала она, подбегая к шарикам.

И глядя на ее сияющее личико, Полина почувствовала, как тяжелый камень свалился с души. Они не предали память ушедших. Они подарили будущее – живущей. Тина бегала по квартире, смеялась, открывала подарки – новую куклу от Полины и набор кубиков от Ильи. Они играли, смотрели мультики, ели торт. И в этот день не было места слезам. Была только радость, чистая и искренняя, ради которой стоило жить и бороться.

Этот новый ритуал – разделение дня памяти и дня праздника – стал для них спасительным. Он позволял честно переживать горе, не заражая им светлое будущее маленького человека, ради которого они и выстояли. Их жизнь, скромная и лишенная былого блеска, обрела новый, глубокий смысл –

смысл сохранения света во тьме и радости вопреки всему. А работа Полины в саду стала не просто работой, а продолжением этого смысла – ежедневным, тихим подвигом любви.

Глава 7.

Пока Полина Колосова вытаскивала себя, брата и племянницу из пепла трагедии, жизнь Яна Одоевского текла в ином, параллельном измерении. Осознание того, как цинично и жестоко он поступил с Ольгой, стало для него не ярким прозрением, а тихой, хронической болезнью, отравляющей даже самые простые радости.

После развода с Кариной его знаменитая «вседозволенность» потеряла всякий вкус. Девушки из его круга, которых он прежде не удостаивал долгого внимания, теперь казались ему на удивление пустыми и предсказуемыми. В их подобранных до последней ниточки образах, в их расчетливых улыбках он видел лишь отражение собственного цинизма. Он стал более избирательным, но не из-за желания найти что-то настоящее, а из-за растущего отвращения к той искусственной жизни, которую он сам и выстроил. Мимолетные связи не приносили ни радости, ни забвения, оставляя после себя лишь горький привкус и назойливое воспоминание о том, как смотрела на него Ольга – без расчета, с обожанием и полной самоотдачей.

На этом мрачном фоне брак его родителей, Доната Вацловича и Светланы Ивановны, казался ему островком прочности. Несмотря на жесткий, аристократичный характер отца-поляка, их союз с русской женой был удивительно креп-

ким. Они были разными – он, холодный стальной стержень рода, она, женщина с мягкой душой, но железной волей, скрытой за изящными манерами. Ян с какой-то горькой завистью наблюдал за их молчаливым пониманием, за тем, как Светлана Ивановна одной фразой могла смягчить суровость мужа. Это был брак, скрепленный не только страстью, но и уважением, общей историей и ответственностью за семью.

Именно тогда судьба нанесла новый, сокрушительный удар. У Доната Вацловича обнаружили рак. Болезнь была стремительной и беспощадной. Все деньги, все связи Одоевских оказались бессильны перед ней. Ян проводил дни и ночи у постели угасающего отца, слушая его последние, трудные наставления о семье, чести и ответственности перед родом.

В эти тяжелые месяцы его главной опорой в бизнесе стала младшая сестра, Янина. Если Ян унаследовал от отца его стратегический ум и жесткую деловую хватку, то Янина – его ледяную, неумолимую рассудочность. Она была красива, как отточенный клинок – холодной, опасной красотой и с ураганом в крови. Высокая, с идеальной осанкой, с всегда безупречным макияжем и строгими костюмами, она была живым воплощением делового кодекса семьи Одоевских. И, конечно, у нее были те самые глаза – светло-серые, прозрачные, как зимнее небо, лишённые всякой сентиментальности. Это была их родовая черта, печать, которую носили все, в чьих жилах текла кровь рода Одоевских, переданная

им Донатом Вацловичем. В ее взгляде читалась та же сила и уверенность в себе, что и у брата.

Она работала в семейном бизнесе с момента окончания университета, начав с низов и быстро поднявшись до позиции финансового директора российского актива. Ян доверял ей безгранично – она была единственным человеком, чей ум и преданность семье он не ставил под сомнение. Пока Ян был лицом компании, ее харизматичным лидером, Янина была ее мозгом и стальным позвоночником.

Смерть отца опустошила Яна окончательно. Он потерял не только родителя, но и своего главного ориентира, пусть и сурового. Теперь на его плечи свалилась вся тяжесть ответственности. Семейный бизнес, не только в России, но и в Польше, и обезумевшая от горя мать. Свободного времени на развлечения не осталось. Он погрузился в работу с головой, пытаясь заглушить внутреннюю боль и вину. Бизнес стал его единственным убежищем, но и оно было холодным и бездушным.

Именно в этот момент политическая ситуация в мире начала меняться. На горизонте сгущались тучи, предвещающие грозу. Санкции, разрыв логистических цепочек, нарастающая геополитическая напряженность. Многие игроки на рынке предпочитали делать вид, что ничего не происходит, надеясь переждать бурю. Но Ян, с его врожденным чутьем и стратегическим мышлением, воспитанным жестким отцом, уловил эти изменения мгновенно. Он видел не про-

сто временные трудности, а фундаментальный сдвиг, грозящий похоронить под обломками целые империи. Он провел несколько бессонных ночей, анализируя данные вместе с Яниной. Их диалоги были краткими и емкими, как сводки с фронта.

– Риски превышают потенциальную прибыль в разы, – констатировала она, ее серые глаза бесстрастно скользили по графикам.

– Отец всегда говорил – лучше выйти из игры с небольшим выигрышем, чем проиграть все, пытаясь отыгаться, – отвечал Ян.

Решение было принято. Стремительно и без лишнего шума. Он слетал в Варшаву. Встречи с партнерами и дальними родственниками, имевшими доли в польском активе, были напряженными. Его решения были встречены с недоумением, а затем и с откровенным непониманием.

– Вы продаете золотую жилу! – Мы на пике прибыли! – Вы паникуете, Ян!

Но Ян, унаследовавший от отца не только глаза, но и железную волю, был непоколебим. Он видел дальше квартальных отчетов. Он продал бизнес – крупный, прибыльный, но висящий на волоске в новой реальности. Покупатели, уверенные, что наживаются на паникере, потирали руки.

Янина, оставшаяся управлять российскими активами, безоговорочно поддержала его. Она так же, как и брат, чувствовала грядущие перемены и начала готовить их часть им-

перии к «режиму осады» – оптимизировать затраты, вывести ликвидность в более стабильные активы, избавляться от балласта.

Вскоре после сделки грянул гром. Политическая ситуация обострилась до предела, и те, кто еще недавно смеялся над «паникером Одоевским», оказались в ловушке. Их бизнесы, еще вчера казавшиеся незыблемыми, трещали по швам под давлением новых реалий. И только тогда партнеры и родственники поняли, насколько дальновиден был Ян. Его поступок, казавшийся безумием, оказался гениальным стратегическим ходом, спасшим семейный капитал от разорения. Но эта победа была пирровой. Она лишь сильнее загнала Яна в его холодную, роскошную пустыню, где единственными спутниками были вина, одиночество и тяжесть короны, которую он теперь носил в одиночку.

Его мать, Светлана Ивановна, оплакивая мужа, всеми силами пыталась вернуть сына к «нормальной» жизни. В ее понимании это значило создать семью. В один из вечеров, тяжелых от непролитых слез, она, не выдержав, снова начала свое:

– Ян, надо жениться! Продолжить род! Донат этого так хотел! Твой долг... Может быть, найди ту девушку, Ольгу... Попроси у нее прощения! Русская женщина, добрая... она сможет понять, простить...

Этот разговор, как искра, попавшая в бензин, вызвал у Яна страшный срыв. Вся его накопленная боль, вина, злость

на себя и на несправедливую судьбу вырвалась наружу. Он крикнул на мать, чего не позволял себе никогда:

– Хватит, мама! Нет Оли! Она погибла! Погибла вся ее семья! И я... я не любил ее! Неужели ты не понимаешь? Любимой женщине не изменяют! Теперь я женюсь только по любви или никак! А кроме меня есть еще и Янина, которая может продолжить род!

Но Светлана Ивановна, уже осознавшая, что только что сказал сын твердо и громко произнесла:

– Продолжатель рода сын! Ты Одоевский Ян Донатович! И твоя обязанность продолжить род Одоевских!

Одоевская с гордо поднятой головой вышла. В гробовой тишине, последовавшей за его криком и ее уходом, повис главный приговор самому себе. Он понял, что променял возможность настоящего, теплого чувства, которое так ценила его русская мать, на мимолетную страсть, и теперь эта возможность навсегда утрачена. У него были деньги, власть, статус, но не было самого простого и важного – любви и настоящей семьи. И в своей холодной, роскошной пустоте он был гораздо беднее, чем те, кого когда-то с таким пренебрежением считал людьми другого сорта.

Светлана Ивановна наблюдала за сыном со стороны, и ее материнское сердце обливалось кровью. Она видела не успешного бизнесмена, наследника империи, а израненную, одинокую душу, запертую в золотой клетке собственного высокомерия и вины. Его холодная отстраненность была хуже

истерики – это была медленная духовная смерть.

Она понимала, что ходит по лезвию ножа. Каждое ее слово о женитьбе, о долге, об Ольге было болезненным уколом в незаживающую рану. Но Светлана Ивановна была не просто матерью; она была женой Доната Вацловича, человека, выковавшего из их семьи крепость. И теперь на нее легла обязанность быть кузнецом, переплавляющим душу их сына. Она намеренно выводила Яна на эмоции, провоцировала срывы, зная, что именно в минуты обострения всех защитных реакций, когда разум отступает, а говорит голая боль, с людьми и происходят настоящие изменения. Они либо, собрав всю свою волю, выплывают из трясины отчаяния, либо окончательно идут ко дну.

И Ян не тонул. В этом был ее тихий, горький триумф. Его вспышка, тот самый срыв, когда он крикнул ей о гибели Ольги, был ужасен, но она ждала его. За этим криком стояло не хамство, а прорыв боли, осознание собственной непоправимой ошибки и, наконец, произнесенная вслух правда, которую он так долго подавлял в себе. Это был необходимый прорыв гноя из раны, после которого могло начаться заживление.

Конечно, Светлана Ивановна не могла и предполагать, что с Ольгой, которая ей искренне нравилась своей красотой, искренностью и теплом, и всей ее семьей произойдет такая чудовищная трагедия. Мысль об этом заставляла ее сжиматься от ужаса и собственной беспомощности. Ее тактика бы-

ла не в том, чтобы воскресить призрак погибшей девушки, а в том, чтобы использовать образ утраченной возможности, как укор, который заставит Яна очнуться. Она доносила до сына не просто свое материнское желание видеть его женатым, а последнюю волю Доната, его отцовский наказ: он должен жениться и продолжить род Одоевских. Для Светланы Ивановны это был не просто социальный долг аристократической семьи, а залог того, что их сын не останется один в своем ледяном замке, что у него появится то, что спасло их с Донатом в самые трудные времена – настоящая семья, любовь, ради которой стоит жить и бороться.

Выйдя из комнаты после той страшной ссоры с гордо поднятой головой, она прислонилась к стене в коридоре и закрыла лицо ладонями, давая волю тихим слезам. Она рисковала, она ранила своего мальчика, но она верила – выплывет. Он был Одоевским. И он должен был найти в себе силы не только для того, чтобы сохранить капитал, но и для того, чтобы возродить свою душу. Иначе все их состояние, все их могущество не имело ни малейшего смысла. Стоя за закрытой дверью, Светлана Ивановна давала выход отчаянию, но уже через несколько минут ее ум, отточенный годами жизни рядом с Донатом, холодно и четко анализировал ситуацию. Ее слова о Янине были не просто попыткой уколоть сына. В них крылась вторая, и более важная, часть правды, которую она пыталась до него донести.

Она видела, насколько Янина сильна. Видела ее стальную

хватку, ее холодный, почти отеческий ум. Дело Вацлова Одоевского, которое Донат с такой кровью и потом поднимал из послевоенных руин, а затем переносил на русскую почву, было в надежных руках. Пока. Но Светлана Ивановна понимала то, что Ян в своем самобичевании отказывался видеть: Ян не одной не справиться. И причина была проста – она была женщиной.

Рано или поздно, как бы ни была она холодна и расчетлива, Янина встретит мужчину. Выйдет замуж. Родит детей. И как бы ни был силен ее дух, ее энергия, ее время неминуемо разделится. Она больше не сможет жить только бизнесом, сталь ее воли будет вынуждена гнуться, подстраиваясь под хрупкие стебли новых жизней – своих детей. И что тогда будет с делом? Оно перейдет к мужу? Чужаку, который получит в приданое за Яниной их семейную империю? Или она, разрываясь между детской и советом директоров, начнет терять контроль? Донат выстраивал эту империю для рода Одоевских в России, а не для какого-то неизвестного фонда или ловкого зятя.

Их внуки... Мысль о них заставляла сердце Светланы Ивановны сжиматься от щемящей боли и тоски. Она так хотела их нянчить. Передать им семейные истории, научить их польским колыбельным, которые ее научила петь мать Доната, показать им портрет сурового Доната Вацловича и рассказать, как он, преодолевая страх и неуверенность, строил для них это будущее. Но эти внуки были призраками, мира-

жом. От Янины они, возможно, будут, но будут ли они Одоевскими? Или они получают другую фамилию и их сердца будут принадлежать другому роду?

А Ян... Ян был носителем имени. Он был Одоевским. Его сын, его кровь, продолжила бы род и дело в их исконном, неразрывном виде. Его сын унаследовал бы не только состояние, но и фамилию, и долг, и ту самую стальную волю, что светилась в его серых глазах. Без этого вся их империя – все эти заводы, счета, акции – превращалась в бессмысленную грудку камней, оставшуюся от недостроенного храма. Храма, у которого не оказалось продолжателей.

Именно это она и пыталась донести до Яна своим жестким, почти жестоким напором. Она заставляла его смотреть не в прошлое, в котором он утонул в чувстве вины, а в будущее. В будущее, где он был последним мужчиной в роду, на ком заканчивалась прямая линия. Его долг перед памятью отца был не просто в том, чтобы жениться. Его долг был в том, чтобы возродить род. Найти ту самую женщину, которую он сможет полюбить так, как его отец любил ее, Светлану, и подарить им всем – и живым, и мертвым – то будущее, ради которого Донат Вацлович Одоевский прожил свою тяжелую, но великую жизнь.

Глава 8.

Молитвы Светланы Ивановны Одоевской не были похожи на традиционные церковные обращения. Они были тихими, отчаянными монологами, которые она вела с памятью о Донате, с несправедливой, как ей казалось, Вселенной. Это были требования, почти ультиматумы, брошенные в безразличное небо: «Дай ему шанс. Дай мне внуков. Продолжи наш род. Иначе для чего все это? Ради груды денег и пустого дома?»

И будто в ответ на этот безмолвный, но страстный зов, судьба сделала свой первый, почти незаметный ход. Был хмурый осенний день. Светлана Ивановна возвращалась с благотворительного вернисажа. В ее «Мерседесе», отгороженном от шума города тонированными стеклами, царил тишина. Они попали в многокилометровую пробку на Садовом кольце. Светлана Ивановна с тоской разглядывала мир за стеклом. Ее мысли, как всегда, крутились вокруг Яна. Он стал еще мрачнее после их последнего разговора. Видеть, как сын отстранился, было невыносимо.

Внезапно ее взгляд скользнул по соседнему ряду, где также замер в пробке юркий, невзрачный красный хэтчбек. И тогда она увидела их. За рулем сидела девушка. Строгое, лишенное косметики лицо, собранные в небрежный хвост волосы. И в этом лице – живое, почти мистическое воспоминание.

вание. Черты – овал лица, разрез глаз, линия бровей – были удивительно, до боли знакомыми. Это было лицо Ольги. Не точь-в-точь, смягченное молодостью и одухотворенное другой, более твердой энергией, но основа была та самая. Светлана Ивановна на мгновение застыла, почувствовав легкое головокружение от этого призрака из прошлого. Но настоящее потрясение ждало ее на заднем сиденье. В детском автокресле сидела маленькая девочка. Лет четырех. Пухлые щеки, золотистые волосы, собранные в два смешных хвостика. Девочка что-то увлеченно рассказывала девушке за рулем, размахивая плюшевым зайцем. И в этот момент она повернула головку. И Светлана Ивановна увидела ее глаза. Огромные, светло-серые. Прозрачные, как зимнее небо, с темными лучиками вокруг зрачка. Глаза, в которых читалась глубокая, почти недетская серьезность. Точная копия глаз Доната. Глаза Яна. Глаза Янины. Та самая родовая печать Одоевских, которую невозможно спутать ни с чем.

Эти знаменитые «одоевские» глаза смотрели на мир с личика, которое было миниатюрным, изящным портретом Ольги. Сочетание было одновременно поразительным и пугающим. В этой маленькой девочке причудливо и неоспоримо слились две линии, две судьбы, которые Ян когда-то так безжалостно разорвал.

У Светланы Ивановны перехватило дыхание. Мир упал под колеса двух автомобилей. Логика, холодный расчет, мгновенно выстроили цепь умозаключений. Девушка за ру-

лем, похожая на Ольгу. Девочка с ее чертами и глазами Одо-евских. Возраст... Да, примерно четыре года. Взрыв, унес-ший жизнь Ольги, случился три года назад. Мысль была столь оглушительной, что Светлана Ивановна на мгновение закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, пробка чуть сдвинулась, и хэтчбек начал медленно перестраиваться, намереваясь свер-нуть в сторону одного из крупных торговых центров.

Инстинкт, мощный и неоспоримый, заглушил в ней все остальное.

– Владимир, следуйте за той красной машиной, – ее голос прозвучал тихо, но с такой железной ноткой, что водитель, старый служака, лишь кивнул и плавно начал маневр.

Они ехали за хэтчбеком, как тень. Светлана Ивановна не сводила глаз с заднего стекла, где мелькало личико девочки – лицо погибшей, несостоявшейся жены сына с глазами ее собственной семьи. Это зрелище вызывало странное, щемя-щее чувство вины и надежды.

Хэтчбек припарковался на почти пустой в этот будний день площадке. Светлана Ивановна приказала водителю остановиться поодаль.

Она наблюдала, как из машины вышла девушка-водитель. Та самая, двойник Ольги, но движущаяся с иной, спортив-ной уверенностью. Она открыла заднюю дверь, ловко рас-стегнула ремни, надела шапочку на головку девочки и взя-ла девочку на руки. Та самая девочка, в чьем облике жили

и ее погибшая мать, и ее собственный сын. Девочка обвила ее шею ручками, доверчиво прижалась. Потом из пассажирской двери вышел подросток – крепкий парень с угрюмым, но красивым лицом. Он подошел к девушке, взял малышку на руки, чмокнув ее в щеку. Это было очень трогательно.

И тут Светлана Ивановна увидела их всех вместе. Маленькая семья. Девушка, невероятно похожая на Ольгу. Подросток, в котором угадывались черты погибшего отца Колосовых. И девочка... живое доказательство того, что связь между их семьями не прервалась, а была запечатлена в этом ребенке.

Они направились ко входу в торговый центр. Светлана Ивановна не стала выходить. Не подошла. Не представилась. Любой неверный шаг сейчас мог все разрушить. Она сидела в полумраке салона и смотрела, как они скрываются за стеклянными дверями. В ее груди бушевал ураган – шок, невероятная, щемящая радость и жгучее любопытство.

– Домой, Володя, – наконец произнесла она, и голос ее звучал устало, но торжествующе.

Обратная дорога была совершенно иной. Осеннее солнце, еще недавно казавшееся тусклым и холодным, вдруг заиграло яркими бликами. Для Светланы Ивановны мир в тот день засиял новыми красками. Она была уверена. Уверена, как никогда в жизни. Это была сестра Ольги. И эта девочка... эта прелестная девочка с лицом матери и глазами отца – его дочь. Ее внучка.

Вернувшись в свой пустынный, роскошный дом, она подошла к большому портрету Доната Вацловича.

– Ты видел? – тихо спросила она у строгого изображения мужа. – Ты видел? У нас есть внучка. Наш род не прервется. В ней – и наша кровь, и ее память.

Она не знала имен. Не знала их истории. Но она знала главное – нить, связывающая их семьи, не оборвалась. Она была запечатлена в этом ребенке.

Она подошла к окну, смотря на раскинувшийся сад. Теперь ее молитвы изменились. Они больше не были просьбами. Они были планом.

«Всевышний услышал, Донат, – подумала она. – Или так им и было суждено. Но теперь я все сделаю сама. Я верну ему его дочь. И он, наконец, поймет, что такое настоящая ответственность. Истинное наследие».

И впервые за долгие месяцы на ее лице, обычно бесстрастном и холодном, появилась не просто улыбка. Появилось выражение спокойной, непоколебимой победы.

Вернувшись в свой особняк, Светлана Ивановна ощущала себя сейсмографом, только что зафиксировавшим подземный толчок невероятной силы. Возбуждение и шок бушевали в ней, нарушая привычную ледяную уравновешенность. Она прошла в свою комнату, опустилась в кресло и взяла в руки телефон. Пальцы сами потянулись к номеру Яна. Ей нужно было услышать его голос, немедленно, сию секунду поделиться этим открытием, которое переворачива-

ло все с ног на голову. Но в тот миг, когда палец уже был готов нажать на кнопку вызова, ее накрыла волна другой, темной и крамольной мысли. Она замерла, и телефон чуть не выскользнул из ее ослабевших пальцев. «А не огулял ли Ян тогда сестру Ольги?» Мысль была чудовищной, отвратительной, но... логичной. Циничный, развращенный повеса, каким он был тогда... Он мог. Легко мог. Он встречался с Ольгой, бывал в их доме, видел ее сестру, ту самую, что была за рулем. Она была моложе, возможно, наивнее... Что, если он, пользуясь своим положением, очаровал и ее? Соблазнил? А потом бросил, как бросал всех? И этот ребенок... этот ребенок с его глазами... мог быть результатом мимолетной связи, измены и подлости, о которой никто не узнал. Эта версия казалась Светлане Ивановне ужаснее, чем даже его холодный отказ от Ольги. Это было уже не просто легкомыслие, а нечто гнусное, низкое. Если это правда, то он не просто разрушил одну жизнь – он испоганил две. И его вина перед погибшей семьей возрастала стократ. Это было уже слишком. Стыд, жгучий и всепоглощающий, накатил на нее, заставив на мгновение сомкнуться веки. «Неужели мой сын способен на такое?»

Она отбросила телефон, как раскаленный уголь. Нет, звонить сейчас было нельзя. В ее голосе он мгновенно уловил бы это смятение, этот ужас. Она не могла говорить с ним, пока не пришла в себя. Светлана Ивановна заставила себя дышать глубже. Она подошла к бару, налила в хрустальный ста-

кан чистойшей воды и выпила ее медленными глотками, чувствуя, как холод разливается внутри, умиряя панику. Она снова стала анализировать, отбросив эмоции. Нет. Слишком много совпадений. Девушка за рулем – почти вылитая Ольга, но видно, что это другой человек. Более твердый, собранный. В ее движениях, когда она вынимала ребенка из машины, была не нежность влюбленной, а уверенная, почти материнская забота. И подросток рядом... Все складывалось в картину семьи, пережившей страшную трагедию. Картину выживания.

И тогда ее осенило. Это не связь. Это спасение. Сестра Ольги, после гибели семьи взяла на себя заботу о племяннице. О его дочери. О той, что родилась от его романа с Ольгой. Ольга была беременна. Она не сказала ему. А может, и хотела, но не успела... Или он, поглощенный своими интрижками, просто не придавал значения ее словам? Неважно. Факт оставался фактом: у него была дочь. Ее внучка.

Версия о связи с сестрой рухнула под тяжестью этой, куда более правдоподобной и, как ни странно, светлой версии. Чувство облегчения было таким мощным, что она снова опустилась в кресло. Нет, ее сын не был тем исчадием ада, каким она его на мгновение представила. Он был просто слепым, самоуверенным и жестоким по недомыслию повесой, чья ошибка имела такие далеко идущие последствия.

Теперь ее решение было окончательным и непоколебимым. Она взяла телефон снова. Дрожь в руках исчезла. Ее

голос, когда Ян ответил, был спокоен, но в его тембре висела стальная струна, не терпящая возражений.

– Ян, – произнесла она, отчеканивая каждое слово. – Как только ты освободишься, немедленно приезжай в родительский дом. Брось все и приезжай. Это не обсуждается.

Она не стала что-либо объяснять. Просто положила трубку.

Ян, с другой стороны связи, застыл на мгновение. Он не слышал в голосе матери ни истерики, ни слез. Он услышал тот самый тон, который она использовала в крайне редких, поистине судьбоносных ситуациях. Тон, который помнился ему с детства и который предвещал не скандал, а нечто гораздо более серьезное. Что-то, связанное с волей отца, с семьей, с наследием. Не задавая лишних вопросов, отменив ближайшую встречу, он развернул свой мощный автомобиль и направился за город, в тот самый дом, который теперь казался ему не убежищем, а местом, где его ждал новый, неизвестный приговор.

Глава 9.

Дорога в родительский дом показалась Яну бесконечно долгой. Он мчался по загородному шоссе, давя на газ, но время словно растянулось. В голове, помимо воли, прокручивались возможные причины экстренного вызова.

«Опять, – с горькой досадой думал он, сжимая руль. – Опять этот разговор. Свадьба. Долг. Продолжение рода. Неужели она не понимает? Неужели не видит, что все это теперь – пустой звук?»

Он представлял себе мать – изможденную горем, но несгибаемую в своей воле. Ее последние слова в трубке прозвучали не как просьба, а как приказ следователя, вызывающего на допрос. Что она придумала на этот раз? Новую кандидатку в невестки из «подходящей» семьи? Или решила устроить сцену отчаяния, давя на чувство вины перед памятью отца?

Каждая мысль обжигала его изнутри. Он был уставшим, измотанным самоедством и работой. Ему казалось, что он достиг дна, и теперь его единственной задачей было просто нести этот груз. А тут – мать со своими вечными попытками «вернуть его к жизни», не понимая, что той жизни, что была раньше, больше нет. И быть не может.

Он резко затормозил у знакомых чугунных ворот, которые бесшумно разъехались перед ним. Подъехав к парадно-

му входу, он выключил двигатель и несколько секунд сидел в гробовой тишине салона, собираясь с духом. Что бы его ни ждало за этой дверью, он был готов дать отпор. Он не позволит снова растревожить свои раны.

Ян вошел в дом. Прохладный, насыщенный ароматами старого дерева и полевых цветов воздух встретил его, как всегда. В огромной гостиной с высокими потолками было тихо. И тогда из глубины комнаты, из-за спинки кресла, раздался ее голос. Спокойный, но с тем самым стальным стержнем, который он ненавидел и уважал одновременно.

– Ян, – Светлана Ивановна не стала тратить время на приветствия. Она сидела, выпрямив спину, и ее взгляд был пристальным и неумолимым. – Ответь мне прямо, как мужчина. И не ври. Ты, помимо Карины, не уложил ли тогда в свою постель еще и младшую сестру Ольги? Как ее... я забыла имя.

Повисла тишина, густая и звенящая. Ян застыл на месте, словно его ударили обухом по голове. Секунда ушла на то, чтобы осознать чудовищность услышанного. И тогда внутри него что-то взорвалось. Вся накопленная усталость, боль, злость на себя и на эту несправедливую жизнь вырвалась наружу в одном-единственном, сорвавшемся на крик вопле.

– Ты меня вообще что ли считаешь последним уебком, мама?! – его голос грохотом прокатился по просторной гостиной, отразившись от портрета сурового Доната Вацловича. – Я далеко не подарок, я знаю! Я – сволочь, подлец, кобель я все это про себя знаю! Но не до такой же степени, блядь,

урод! Ее младшую сестру? Да ты с ума сошла!

Он тяжело дышал, сжимая кулаки. Его трясло от ярости и оскорбления. Это было хуже, чем все ее упреки. Это было падение на такую глубину подлости, до которой он, как ему казалось, не мог дотянуться даже в самые свои темные времена.

И тут он увидел странную вещь. Вместо того чтобы вспылить в ответ или расплакаться, или упрекнуть его в нецензурной брани, Светлана Ивановна... расслабилась. Напряженность, которое чувствовалось в ней с самого начала, ушло. На ее изможденном, но все еще прекрасном лице появилось выражение... облегчения. Да, именно так – глубокого, всепоглощающего облегчения. И в ее глазах вспыхнул тот самый торжествующий огонек, который он видел лишь тогда, когда она выигрывала самые сложные и важные битвы.

Именно с этим выражением, медленно поднимаясь с кресла, она и произнесла свои следующие слова. Слова, которые обрушили его мир сильнее, чем тот давний взрыв.

– Хорошо, – сказала она тихо, но так, что каждый звук был отчетканен, как на стали. – Тогда слушай и не перебивай. У тебя есть дочь. Которую родила тебе Оля. Сегодня я видела ее с сестрой Оли.

Ян не произнес ни звука. Он просто стоял. Словно молния ударила в него, превратив в обугленный столб. Он слышал слова, но их смысл не доходил до сознания. Они были на чужом языке. «Дочь». «Оля». «Родила». Эти слова не

складывались в предложение. Они были обломками разных реальностей. Он видел, как губы матери двигаются, но не слышал больше ничего, кроме оглушительного звона в ушах. Его взгляд упал на портрет отца. Суровые, его собственные, серые глаза смотрели на него с холста. И в этот миг в них ему почудилось не одобрение и не осуждение. А нечто иное. Почти... насмешка. Словно отец говорил ему с того света: «Вот оно, наследие, сынок. Принимай.»

И только потом, спустя вечность, смысл прорвался сквозь шум. Дочь. Его дочь. Ребенок. От Оли. Ноги сами подкосились, и он тяжело рухнул в ближайшее кожаное кресло, сраженный не физической, а абсолютно новой, неведомой доселе силой – шоком от того, что его жизнь, которую он считал законченной главой, на самом деле имела страшное, невероятное продолжение.

Ян сидел в кресле, будто парализованный. Слова матери повисли в воздухе тяжелым, ядовитым грохотом, а потом обрушились на него лавиной. Дочь. От Оли. Это было невозможно. Неправдоподобно. Чудовищно. Последний раз он видел Ольгу в тот ужасный день, за несколько дней до их свадьбы. Как она вошла в их спальню с лицом, белым от горя и гнева. Как швырнула ему в лицо обручальное кольцо с бриллиантом, которое он выбирал. Мало того что он унизил ничего не значащей для него изменой, но он самонадеянно, ей сказал, что она все-равно будет его женой, и что она должна принять его мир. Он в тот момент не испытывал никако-

го стыда. Это была норма его мира. Иметь красивую жену и интрижки на стороне. А ей не нужен был его мир. Ей нужна была его любовь и верность. Тогда ему казалось это пережитками прошлого.

И чтобы сохранить лицо перед окружающим его обществом, он заменил невесту на уже подготовленной свадьбе. Олю на Карину. Глупый, театральный жест, который лишь усугубил его падение. Он думал, что навсегда похоронил ту историю, заплатив за свою подлость браком с женщиной, которую тоже не любил. Оказалось, он похоронил заживо не только Олину любовь к нему, но и своего ребенка.

Светлана Ивановна наблюдала за ним с ледяным, почти научным интересом. Она видела, как бледнеет его лицо, как судорожно сжимаются и разжимаются кулаки. Она давала ему время. Давала этому ужасу и осознанию проникнуть в каждую клетку. Она знала всю эту историю. Понимала и то, как Оля, гордая и оскорбленная, ушла, унося с собой свою тайну.

Прошло несколько долгих минут. Наконец, он поднял на нее взгляд. В его знаменитых серых глазах плавала одна сплошная, невыносимая боль.

– С чего... – голос сорвался, он сглотнул ком в горле и начал снова, сипло и тихо. – С чего ты это взяла?

Светлана Ивановна не изменила позы.

– Вот ты и узнай, с чего это я взяла, и действительно ли это так, – произнесла она ровно. – А потом мы подумаем с

тобой, что делать дальше.

Это спокойствие взбесило его. Он резко встал.

– Нет! – выкрикнул он. – Если... если это правда... то я сам решу, что делать! Я! Ты поняла? Я уже однажды все испортил, проявив слабость! Теперь я исправлю это сам!

Он ждал взрыва, но Светлана Ивановна лишь медленно подняла на него глаза. В них не было ни гнева, ни уступчивости.

– Нет, Ян, – сказала она тихо, но властно. – Ты не будешь делать то, что ты «хочешь». Ты будешь делать то, что «должен». То, что диктует логика, здравый смысл и, если я не ошиблась, неоспоримые документальные доказательства. Твоя «слабость» в прошлый раз привела к тому, что ты променял Олю на Карину. Сейчас цена ошибки неизмеримо выше.

Она сделала паузу, давая этим словам достичь цели.

– Если это твоя дочь, – продолжила она, – то она должна жить здесь. В этом доме. А ты – рядом с ней. И ты не разрушишь их мир, – она сделала ударение на слове, – мир, который они выстроили без тебя, после всего, что ты им пришлось пережить. Ты не разрушишь мир в, котором счастлива твоя дочь. А если ты не хочешь жить под одной крышей со мной, я уйду жить во флигель. Для меня главное – чтобы мой сын наконец-то повзрослел и взял на себя ответственность за свое дитя.

И, не дав ему возможности что-либо возразить, она спо-

койно потянулась к шелковому шнуру колокольчика и дернула его. В дверях почти мгновенно возникла тень экономки.

– Мария, будьте добры, собрать ужин на двоих, – произнесла Светлана Ивановна обыденным тоном. – Ян остается.

Она снова повернулась к сыну, который все еще стоял, пораженный ее словами, смешавшими в кучу его права, ее жертву и безраздельную власть здравого смысла.

– А теперь садись, – ее голос смягчился, но в нем все еще слышалась сталь. – И расскажи мне все, что было до того, как она бросила тебе кольцо в лицо. Каждый день. Нам нужно начать с самого начала. И помни – любая твоя попытка действовать сгоряча, как тогда, может все разрушить. Навсегда.

Ян тяжело дышал, все еще пытаюсь совладать с ураганом эмоций, вызванных словами матери. Ее холодная логика и железная воля действовали на него как ледяной душ, гася первую волну яростного протеста. Он понимал, что в своем нынешнем состоянии он и впрямь способен на новую роковую ошибку.

Он медленно выдохнул, снова опустился в кресло и провел рукой по лицу.

– Хорошо, – его голос был хриплым и усталым. – Я останусь на ужин.

Светлана Ивановна кивнула, словно это было единственно возможное решение, и без комментариев вернулась к своему креслу.

– Но, – он поднял на нее взгляд, и в его глазах вспыхнула прежняя, гордая искра, – обсуждать с тобой подробности моих... отношений с Ольгой, свои «подвиги» в постели я не намерен. Это было между мной и ею. И останется там.

На этот раз Светлана Ивановна не стала настаивать. Она лишь слегка наклонила голову, давая понять, что принимает его условия. Ей и не нужны были пикантные детали. Ей нужен был факт. А факт, похоже, был налицо.

Ужин прошел в гробовой тишине. Они сидели за длинным полированным столом в столовой. Звон ножей и вилок о фарфор казался оглушительно громким. Ян механически отправлял в себя еду, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Каждый кусок вставал в горле комом, но он заставлял себя есть, просто чтобы занять себя хоть чем-то, чтобы не сойти с ума от мыслей, крутящихся вокруг одного слова: «дочь». Когда тарелка, наконец, опустела, он отпил последний глоток воды и отодвинул стул. Его движения были резкими, выдавшими внутреннее напряжение.

– Мама, – его голос прозвучал в тишине формально и отстраненно. – Спасибо за ужин.

Он встал и, глядя куда-то мимо нее, четко произнес, – Когда я все выясню и пойму, что это действительно так, я тебе доложу. Не раньше.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и твердыми шагами вышел из столовой. Его удаляющиеся шаги по мрамору холла прозвучали как последние аккорды в этой тяжелой сцене.

Светлана Ивановна не стала его останавливать. Она сидела неподвижно, слушая, как хлопнула парадная дверь, а затем заурчал двигатель его автомобиля. Она понимала – ее сын не сбежал. Он отступил на заранее подготовленные позиции, чтобы перегруппироваться. И теперь у него была не абстрактная вина, а конкретная, осязаемая цель. И она была уверена, что на этот раз он не подведет. Слишком велика была ставка.

Глава 10.

Ян выехал за ворота родительского поместья с визгом шин, будто за ним гнались фурии. Он давил на газ, и мощный автомобиль послушно рванул вперед, сливаясь с потоком машин на загородном шоссе. Но внутри него был хаос, полная противоположность контролируемой мощи под капотом. «Дочь. От Оли». Эти слова бились в его висках, как молотки, вышибая все остальные мысли. Это было невозможно. Нелепо. Чудовищно. И в то же время... в этом была какая-то извращенная, железная логика. Логика возмездия.

Он не сразу поехал в свой пентхаус. Сначала он просто мчался по ночной трассе, куда глаза глядят, пытаясь убежать от самого себя, от голоса матери, от призрака, который внезапно обрел плоть и кровь. И понемногу, сквозь шум мотора и свист ветра, к нему начали пробиваться воспоминания. Не те, что он годами подавлял, а те, что были их первопричиной.

– Ты – Одоевский, Ян. Наш род не заканчивается на тебе. Пора взять в узду этого похотливого кобеля, что сидит в тебе, и подумать о продолжении рода.

Голос отца. Хриплый, налитый коньяком и непреклонной волей. Они сидели в том самом кабинете, заставленном дубовыми панелями. Донат Вацлович смотрел на него своими пронзительными серыми глазами, в которых читалось не только родительское наставление, но и укор.

– Найди себе скромную, хорошую девушку. Не из этих куколок с пустыми глазами, что крутятся вокруг твоих денег. Она должна быть чистой, верной. Чтобы смотрела на тебя, как на героя. Любовь... любовь придет со временем. Это будет твоя тихая гавань. Твоя крепость.

Он нашел. Ольга. Дочь инженера и учительницы, она сама работала в небольшой фирме своего отца. Она была прекрасна своей естественной, не кричащей красотой. Искренняя, с ясным взглядом, в котором читалась глубина и какая-то внутренняя надежность. Она не бросалась на него, как другие. Она стеснялась его богатства, его статуса, ее смущали его дорогие подарки. И это его зацепило. Ему понравилось быть для нее не Одоевским-миллионером, а просто Яном. Он видел, как она заглядывает ему в глаза, ловит каждое слово. Она идеально подходила под описание отца. Она его устраивала. Внешне – безупречно. В постели была нежной и страстной. В ней чувствовалась та самая «крепкая хозяйка», способная создать тот самый уют, о котором говорил Донат Вацлович.

Он сделал ей предложение. Она сказала «да», и в ее голубых глазах он увидел не триумф охотницы, поймавшей богатую добычу, а чистую, безграничную любовь, преданность и счастье. И ему... ему было приятно. Удобно. Он поставил галочку в списке «взрослой жизни», одобренной отцом. И все было бы хорошо, если бы не его природа. Этот вечный зуд, жажда новых побед, новых трофеев. Уверенность, что

ему все дозволено.

Девичник Оли. Клуб, подруги, смех. И его взгляд, скользнув по компании, упал на Карину. Яркую, дерзкую, с вызывающей улыбкой и хищным блеском в глазах. Она была его породой. Циничной, но с горячеей, опасной кровью. И он, как идиот, решил, что до свадьбы ему можно. Можно выпустить на волю того самого «похотливого кобеля» в последний раз. «А там будет видно...» Он нашел ее в соцсетях. Написал. Она ответила мгновенно. Все было просто, цинично и пошло. Он даже не скрывался особо, считая, что его мир – мир вседозволенности – Оля должна принять как данность.

И случилось то, что случилось. Она вошла в их спальню. Лицо – белое, как мел. В руке – его подаренное обручальное кольцо. Он помнил каждую секунду. Свою тупую, оправдывающуюся ухмылку. Его слова: «Прими это как данность. Все остается в силе. Ресторан, гости, кольцо на твоём пальце. Ты будешь моей женой. Просто прими правила моего мира». Ему не было стыдно. Ему было... неудобно. Как от испорченной дорогой вещи. Он искренне не понимал глубины ее боли. Для него это была досадная оплошность, для нее – крушение всего мира, предательство того самого «просто Яна», в которого она поверила.

И тогда она швырнула ему в лицо кольцо. Бриллиант оставил на его щеке тонкую царапину. Не физическую – моральную. Рану, которая начала болеть лишь спустя годы.

«Мне не нужен твой мир, Ян. Мне был нужен ты». Только

спустя время он прочитал тот взгляд.

Чтобы «сохранить лицо» перед обществом, он заменил невесту на уже подготовленной свадьбе. Олю на Карину. Глупый, театральный, позерский жест, который лишь окончательно похоронил его в глазах тех немногих, чье мнение он еще хоть как-то ценил. Он думал, что хоронит историю с Ольгой. Оказалось, он хоронил заживо своего ребенка.

«А потом родила дочь и погибла». Мысль вонзилась в него, как нож. Ольга ушла от него, зная, что беременна. Она не сказала ему. Не попросила помощи. Гордая, раненная, она предпочла растить его дочь одна, в той самой «тихой гавани» и «крепости» – в своей простой, честной семье, которую он сам же и предал. А потом... потом ее не стало. Взрыв. Огонь. Боль, в тысячу раз превосходящая ту, что испытал он. И теперь где-то там, в этом городе, жила девочка. Его кровь. Его дочь. Растущая без отца. С сестрой Ольги, которая, должно быть, ненавидит его лютой ненавистью.

Он с резким скрежетом свернул на съезд, ведущий в центр города. Первый шок прошел, сменившись холодной, тяжелой, как свинец, решимостью. Мать была права в одном – сейчас нельзя было действовать сгоряча. Одна его ошибка уже стоила Ольге жизни. Вторая могла стоить ему дочери.

Он нажал на тормоз у своего дома, загнал машину в подземный паркинг и, не глядя по сторонам, шагнул в лифт. Зеркальные стены кабины отражали его бледное, искаженное внутренней борьбой лицо. Те самые серые глаза, кото-

рые он видел у отца на портрете и которые, по словам матери, были у той девочки, смотрели на него с неммым укором.

Лифт плавно поднялся на последний этаж. Дверь в пентхаус открылась с тихим щелчком. Он вошел в залитую ночными огнями города гостиную. Роскошная, безупречно стильная, выдержанная в холодных тонах клетка. Здесь не было ни души. Ни Карины, давно канувшей в лету, ни очередной временной подруги. Только он и гулкая тишина.

Он подошел к панорамному окну, упираясь ладонями в холодное стекло. Город лежал внизу, как карта его владений. Но сегодня он чувствовал себя не королем, а узником.

«Теперь тебе предстоит все узнать», – прозвучал в голове голос матери.

Да. Узнать все. Доказать. Увидеть ее своими глазами. Убедиться, что это не мираж, не игра его воспаленной совести.

Он достал телефон. Его палец повис над экраном. На этот раз он написал не личному помощнику, а начальнику своей службы безопасности, чья преданность не вызывала сомнений, а методы были быстрыми и не всегда легальными. Сообщение было лаконичным и не терпящим возражений: «Срочно. Нужна полная информация на Полину Колосову. И на ребенка, который с ней живет. Девочка, примерно 4 года. Все: адреса, работа, круг общения, финансы, медицинские карты, телефоны. Особый интерес – установление биологического отцовства ребенка. Работать в режиме полной тени. Отчитываться только мне. Жду первичную информа-

цию к утру».

Положив телефон на барную стойку, он налил себе виски, но не стал пить. Просто смотрел на золотистую жидкость в бокале. Впервые за долгие годы у него появилась цель, которая не имела ничего общего с деньгами или властью. Цель, которая пугала его до дрожи. Но от которой он не мог и не хотел бежать. Ему предстояло все узнать. Получить железные, неопровержимые доказательства. И тогда он поймет, как подойти к ним. Как сказать... Что он ее отец. И как искупить вину, которая из абстрактного чувства вдруг превратилась в нечто осязаемое, в маленькую девочку с глазами его рода.

Ян вошел в свой офис на сороковом этаже небоскреба чернее грозовой тучи. Ночь, проведенная в попытках осмыслить шокирующее открытие, не принесла покоя. Сон не приходил, вместо него за часами тягучего ожидания следовали вспышки гнева на самого себя и леденящее душу осознание собственного многолетнего неведения.

Его секретарь, опытная и чуткая Анна Марковна, взглянула на него и без слов поняла – босс не в духе. Она молча протянула ему папку с неотложными документами, но он, даже не взглянув, отмахнулся и тяжелой походкой прошел в свой кабинет, громко захлопнув за собой дверь. Первые часы работы прошли в напряженном молчании. Он пытался погрузиться в рутину, но цифры в отчетах расплывались перед глазами, а слова контрактов не складывались в смыслы.

В голове стучала одна лишь мысль: «Дочь. Моя дочь».

Дверь в кабинет бесшумно приоткрылась. На пороге стояла Янина, его младшая сестра. В ее глазах читалось беспокойство и желание помочь.

– Ян, с тобой все в порядке? – тихо спросила она, осторожно подходя к столу. – Ты выглядишь ужасно. Мама звонила, говорила, что вы вчера... обсуждали что-то важное. Мама сказала, что если ты считаешь нужным, расскажешь сам. Может, хочешь поговорить?

Он медленно поднял на нее взгляд. В его серых, обычно холодных и сосредоточенных глазах, бушевала буря из усталости, раздражения и непрожитого горя. Попытка проникнуть в его душу, пусть и из лучших побуждений, в этот момент показалась ему невыносимой дерзостью.

– Янина, не до тебя, – прозвучало резко и отстраненно, его голос был низким и предостерегающим. – Иди к себе. Работай.

Он отвернулся к панорамному окну, демонстративно развернув к сестре спину. Этот жест был яснее любых слов: разговор окончен. Янина на мгновение застыла, обида и досада мелькнули на ее лице, но она знала брата слишком хорошо, чтобы настаивать. Молча развернувшись, она вышла, тихо прикрыв дверь.

Оставшись один, Ян с силой сжал виски пальцами. Сообщение от начальника службы безопасности пришло на расвете: «Информация собирается. Явлюсь с полным отчетом

лично к вечеру». Эти часы до вечера казались ему вечностью. Каждая минута ожидания была пыткой. Он чувствовал себя как на иголках, любое отвлечение, даже забота сестры, воспринималось как личное оскорбление.

Весь день он провел в этом напряженном, почти зверином ожидании, отгораживаясь от всех стеной холодного отчуждения. Его личная вселенная, еще вчера состоявшая из сделок и власти, теперь сосредоточилась на одном-единственном пункте – вечернем отчете, который должен был перевернуть все с ног на голову.

Глава 11.

Вечером, когда за стеклами панорамных окон уже зажглись огни ночного города, в кабинет без стука вошел начальник службы безопасности. Молча, он положил на полированную столешницу Яна плотную папку.

– Вся доступная информация, как вы и просили.

Ян кивком отпустил его. Дверь закрылась. Он остался наедине с тонкой папкой, которая весила, как свинцовый слиток. Сделав короткий, прерывистый вдох, он открыл ее.

Мир поплыл перед его глазами. Верхним лежало фото. На нем были трое. Полина Колосова – ее лицо, прежде мягкое и беззаботное, теперь стало твердым и озабоченным. Рядом с ней – возмужавший Илья. И на его руках, доверчиво прижавшись, маленькая девочка в ярко-желтой куртке. Ян не мог оторвать глаз от ее лица, от этих светло-серых, не по-детски серьезных глаз. Глаз его отца. Его собственных глаз.

Следующее фото было крупнее. Илья, улыбаясь – и от этой улыбки у Яна сжалось сердце, – открывал дверцу хэтчбека, а Полина усаживала на заднее сиденье девочку в детское кресло.

Из папки выпал краткий отчет. Взгляд Яна скользил по строчкам, выхватывая фразы, которые вонзались в сознание, как ножи.

«...Колосова Полина Петровна. После трагедии, унесшей

жизни ее родителей, Нины Андреевны и Петра Николаевича, сестры Ольги и бабушки с дедушкой, оформила опеку над несовершеннолетним братом, Ильей Колосовым. Впоследствии через суд установила удочерение... девочки, Тины Колосовой...»

«...Обстоятельства обнаружения: Тина найдена спасателями под завалами в день своего первого рождения. Ребенок был в состоянии сильного испуга, испачкан, имелись незначительные ссадины. Илья Колосов был извлечен без признаков жизни и направлен в морг, где при дальнейшем осмотре было установлено, что подросток жив. Диагноз: тяжелое сотрясение мозга, перелом ключицы...»

«...Все положенные выплаты и компенсации Колосовой П.П. получены. В юридических вопросах ей оказывал содействие бывший работодатель, Аркадий Петрович Любимов, предоставивший корпоративного юриста...»

«...Колосова П.П. работает помощником воспитателя в муниципальном детском саду №... В данное дошкольное учреждение устроилась осознанно, так как туда же была определена подопечная, Тина Колосова...»

Фотографии продолжали рассказывать их жизнь. Вот они несут из магазина скромные пакеты. Вот Полина, смеясь, качает девочку на качелях. Вот Илья, сосредоточенно развешивающий белье на балконе. Вот они втроем идут по улице – Полина держит Тину за руку, Илья несет ее маленький рюкзачок.

И на каждом снимке – она. Девочка. Его дочь. Тина, найденная в руинах в день своего первого рождения. Чудом выживший брат, которого он мысленно уже похоронил.

Ян откинулся на спинку кожаного кресла, чувствуя, как комната медленно вращается вокруг него. Он смотрел на эти снимки и видел не просто выживших, а людей, прошедших через ад, который он даже не мог вообразить. Они потеряли все, но нашли друг друга в обломках. Полина стала матерью и сестрой в одном лице. Илья, встретивший смерть и вернувшийся, стал опорой.

Он сидел в своем роскошном кабинете, в сердце своей империи, и чувствовал себя абсолютно бедным. У него были миллионы, власть, связи. А у них там, в той старой квартире, было все, что осталось от того мира, который он когда-то предал, – любовь, верность и тихая, нестигаемая сила. И его дочь, растущая в середине этого всего, даже не подозревая, что у нее есть отец. Ян сидел в гробовой тишине кабинета, и каждая строчка отчета, каждое фото вбивали в него новые гвозди осознания. Это был не просто сухой свод данных. Это была хроника жизни, которую он не видел, не чувствовал и в разрушении которой был косвенно виновен. Если бы не его измена. Ольга была бы жива! Они все были бы живы! По одной простой причине – свое первое день рождения его дочь праздновала бы не в доме бабушки и дедушки, а с родителями дома, в кругу самых близких родственников.

Его взгляд упал на строку об образовании Полины. «Ко-

лосова П.П. имеет диплом с отличием МГУ по специальности "Экономика"» Выпускница главного экономического вуза страны. А затем – текущее место работы: «помощник воспитателя в муниципальном детском саду».

Воздух застрял у него в легких. Он, выросший в мире, где каждый шаг и каждый диплом были взвешены на весах карьеры и прибыли, не мог сразу осознать этот поступок. Это была не просто смена работы. Это было падение с финансового Олимпа в мир, где платят копейки, а работа состоит из бесконечных носов, капризов и детских слез. И она сделала это сознательно. Не потому, что не могла найти другую, а ради Тины. Чтобы быть с ней рядом, чтобы контролировать каждый ее день, чтобы оградить от любой возможной опасности в этом новом, жестоком мире, в котором они остались одни.

Он представил ее: умная, образованная девушка, которая могла бы строить блестящую карьеру, сидит на крошечном стульчике, подтирает чужие детские попы, разнимает дерущихся малышей, ест безвкусную кашу в столовой. И все это – не по нужде, а по любви. Она положила свою жизнь, свои амбиции, свое будущее к ногам его дочери. Эта жертва была настолько грандиозной, настолько чистой и самоотверженной, что его собственный циничный мир рушился перед ней в прах. Он, считавший, что все в жизни имеет цену, столкнулся с явлением, которое было бесценно.

И тут же из глубин памяти всплыла вторая часть отче-

та. «Предана бывшим молодым человеком, который отказался разделить с ней груз ответственности за осиротевших детей». Эту фразу он прочитал мельком, но теперь она обрела страшную ясность. Какой-то ничтожный мальчишка, его ровесник, возможно, увидел в Полине не женщину, а обузу. Не захотел брать на себя чужую трагедию, чужих детей. «Не люблю я тебя настолько», – должно быть, сказал он ей, или что-то подобное. И этот отказ был лишь по одной, простой и страшной причине – он ее не любил. Не любил так, как она того заслуживала. Не так, как она любила Тину и Илью. И этот отказ делал ее жертву еще более величественной. Ее предали. Ей сказали, что она и ее семья – непосильная ноша. И что она сделала? Не сломалась. Не попыталась избавиться от «балласта», чтобы вернуть свою «нормальную» жизнь. Она выбрала их. Безоговорочно выбрала их. Она доказала, что любовь – это не слово, а действие. Действие, которое требует отказа от себя ради другого.

А Илья... Ян снова посмотрел на фото угрюмого подростка, который несет пакеты, вешает белье, улыбается, качая Тину на качелях. «...подросток был извлечен без признаков жизни...» Эта фраза преследовала его. Мальчик, практически побывавший на том свете. Чье беззаботное детство и юность закончились в один миг. Он мог бы сломаться. Уйти в себя, в депрессию, в агрессию. Требовать к себе внимания, делать нервы и без того измотанной сестре. Но он не сломался. Он стал опорой. Тихим, молчаливым, но несгиба-

емым столпом их маленькой семьи. Он не требовал, а помогал. Не отягощал, а разделял ношу. В его взрослеющем, серьезном лице читалась не детская ответственность. Это вызывало у Яна не просто уважение – благоговейный, почти восторженный.

И на фоне всего этого он, Ян Одоевский, со своими миллионами, своей «империей», своей «тяжелой долей» богача, выглядел жалким, нищим пигмеем. Он плакался о своей вине и одиночестве в роскошном пентхаусе, в то время как они, потеряв все, строили свой хрупкий, но невероятно прочный мирок из любви и взаимовыручки.

И вот теперь самый страшный вопрос встал перед ним во весь рост: «Как проникнуть в их устроенный мир?» Любой его шаг, любой жест со стороны «богатого и могущественного Одоевского» будет воспринят как вторжение. Как попытка купить, подмять под себя, разрушить. Он видел их лица на фото – гордые, самостоятельные, уставшие, но не сломленные. Что теперь ему с этим всем делать? Приехать к ним с деньгами? Это оскорбит их достоинство. Полина, положившая ради Тины свою карьеру, лишь презрительно усмехнется. Предложить помощь? Какую помощь он может предложить, кроме финансовой? Они сами справляются. Они сами выстроили свою жизнь из пепла. Признаться в отцовстве? Сказать Полине: «Здравствуйте, я тот подлец, который погубил вашу сестру, и, кстати, у меня есть ДНК-тест, подтверждающий, что Тина – моя дочь. Теперь я здесь, чтобы все

исправить». Это вызовет лишь ненависть и отторжение. Она вышвырнет его за дверь, и будет права. Он не заслуживал доверия. Он не заслуживал права называться отцом.

Он сидел, сжимая виски пальцами, и понимал, что любящая прямая атака обречена на провал. Их мир был крепостью, выстроенной на принципах, диаметрально противоположных его собственным. Его деньги и власть здесь были не оружием, а обузой, клеймом, напоминанием о том самом мире жестокости и предательства, от которого они бежали.

Чтобы подойти к этой крепости, нужен был не штурм, а ключ. Ключ, которого у него не было. Ключ, который нельзя было купить или отобрать силой. Его нужно было заслужить. Но как? С чего начать? Он был чужим, врагом, призраком из прошлого, чье появление могло разрушить все, что они с таким трудом сохранили. И это осознание повергало его в глубочайшее, безысходное отчаяние. Он нашел свою дочь, но между ними лежала пропасть, которую он сам же и вырыл, и перепрыгнуть через нее у него не было сил.

Глава 12.

Неделя, последовавшая за шокирующим откровением, стала для Яна сплошным кошмаром. Осознание чудовищной реальности – что у него есть дочь, растущая вдали от него, что Ольга унесла эту тайну в могилу, – не отпускало его ни на секунду. Полина, которая теперь несет эту тайну в себе. Это осознание сидело в нем черным, неподвижным камнем, отравляя каждую мысль, каждое действие. В офисе он был невыносим. Его обычная холодная собранность сменилась взрывной раздражительностью. Он срывался на подчиненных из-за мельчайших промахов, его знаменитое ледяное спокойствие растрескалось, обнажив сырую, воспаленную ярость, направленную в первую очередь на самого себя. На робкие попытки Янины предложить помощь или просто поговорить, он отвечал отстраненным рычанием, отгораживаясь от нее незримой, но непреодолимой стеной. Даже с матерью он говорил сквозь зубы, односложно бросая в трубку: – Информация собирается. Жду.

Ожидание сводило с ума. Он чувствовал себя загнанным зверем в золотой клетке своего пентхауса и офиса. Власть, деньги, влияние – все, что раньше составляло суть его существования, обесценилось, превратилось в фон для одной-единственной, невыносимой мысли: «Она там. А я здесь».

И он не выдержал. Инстинкт собственника, глубокий, животный, заглушил все доводы рассудка. Ему нужно было видеть. Убедиться воочию. Впервые после того, как начальник безопасности положил на его стол папку, Ян сел в свой автомобиль и уехал раньше с работы, не домой, а в тот спальный район, где, как он теперь знал, находился детский сад №...

Он припарковался в отдалении, с прекрасным обзором входа. Сердце бешено колотилось в груди, ладони стали влажными. Ровно в положенное время из дверей сада начала выходить Полина, ведя за ручку маленькую Тину.

Впервые увидев ее не на фотографии, а в живую, Ян замер. Внешнее сходство с Ольгой было поразительным, но еще более острым было восприятие различий. Да, тот же овал лица, разрез глаз. Но в движениях Полины не было ольгиной мягкой, почти застенчивой грации. Ее походка была уверенной, собранной, в осанке читалось достоинство человека, познавшего цену потерь и научившегося выживать. Она была другим человеком, выкованным в горниле трагедии, и Ян воспринимал это с болезненной остротой. Но его взгляд тут же переключался на девочку. Он вглядывался в Тину с жадностью голодного, ища в ее чертах что-то еще, кроме знаменитых глаз. Свои черты. Черты отца. Но их не было. Лицо было миниатюрным портретом Ольги, ее матери. И только эти огромные, светло-серые глаза, серьезные и ясные, были его. Глаза Одоевских. Единственная, но неоспоримая печать его крови.

С этого дня его жизнь обрела новый, извращенный ритм. Он стал ездить к саду каждый вечер. Они садились в свой красный хэтчбек, а он, как тень, следовал за ними по всему маршруту до самого дома. Он наблюдал, как они заходят в подъезд, как через некоторое время на одном из окон зажигается свет. Он сидел в машине и смотрел на это окно, представляя, что происходит за ним. Его дочь ужинает, играет, готовится ко сну. Без него.

Он разглядывал их с жадностью собственника, иначе не мог. Это было болезненно, унижительно, но он был не в силах остановиться. Он чувствовал, как все больше затягивается в омут этого бессильного наблюдения за чужой, но по праву его жизнью.

Однажды вечером пошел редкий, мокрый снег. Хлопья медленно кружились в свете фонарей. Ян, как обычно, сидел в своей машине, наблюдая, как Полина и Тина выходят из сада. Внезапно он приоткрыл окно, чтобы лучше видеть, и до него донесся звонкий, радостный голосок Тины:

– Мама, смотри! Снежинки! А ко мне на Новый год придет Снегурочка и Дед Мороз?

Полина, поправляя на девочке шапку, с улыбкой ответила, и ее голос, теплый и ласковый, четко долетел до Яна:

– Конечно, придет. Но для этого нужно быть очень послушной девочкой и хорошо кушать кашу.

В тот миг Одоевский забыл обо всем на свете. О своих миллиардах, о власти, о вине, о прошлом. Он сидел, заво-

роженный, глядя на свою дочь, которая с серьезным видом кивала, принимая условия сделки со сказкой. Этот простой, бытовой, бесконечно далекий от его мира разговор поразил его сильнее любого откровения. Здесь, в этом дворе, среди падающего снега, шла его плоть и кровь, верила в Деда Мороза и обещала хорошо есть кашу.

Он не заметил, как они ушли, и окно в их квартире снова озарилось светом. Он сидел еще очень долго, глядя на падающий снег, чувствуя, как стены его собственного, выхолощенного мира рушатся окончательно, погребая под обломками того самовлюбленного мальчишку, которым он был когда-то. Теперь он знал одно: он не может оставаться просто тенью. Но как перестать ей быть, он не знал. И потому на следующий день он снова приехал к саду, чтобы с жадной, больной надеждой снова услышать ее голос и увидеть, как она кружится в снежинках.

Прошло две недели. Две недели, за которые Ян Одоевский, некогда уверенный в себе хозяин своей жизни, превратился в одержимого параноика. Его мир теперь существовал у припаркованного у тротуара автомобиля и пути от детского сада до их дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.